

ПОСОБИЕ ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ ЧУДОВИЩ

НАТА ПАХОМОВА

18+

Ната Пахомова

Пособие для

начинающих чудовищ

<https://litres.ru/74195234>

SelfPub; 2026

Аннотация

Налирр — маг-полукровка на поводке у клана: режет чудовищ, выполняет задания и держит в узде собственного демона. Так продолжается, пока на Мельхут не прорывается многоликая тварь, которую практически невозможно убить.

Чтобы остановить апокалипсис и спасти сестру, Налирр вынуждена принять помощь единственного, кто способен защитить: мага-охотника, который может приговорить её раньше, чем до неё дотянется тварь. Но как победить чудовище, если ты сама одно из них?

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Аркерон	5
Глава 2. Сонора	26
Глава 3. Вурдалаки	46
Глава 4. Поездка в Вербницу	76
Глава 5. Сойки	108
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Ната Пахомова

Пособие для начинающих чудовищ

Пролог

Я рассекла ткань реальности и нырнула в следующий мир. Потом ещё. И ещё. Миры мелькали один за другим: хмурое небо, чужие звёзды, земля цвета крови. Я неслась сквозь них, как монетка, потерянная в бесконечном кармане мироздания.

Охотник шел за мной.

Я чувствовала его спиной и затылком. Его пальцы смыкались в воздухе там, где меня уже нет. У кротовой норы есть четыре секунды, прежде чем она схлопнется. Однажды он успеет.

Прыгала снова, уже не помню, в который раз. Начертила руну в воздухе на лету — Берилл вынырнул из пустоты, я вцепилась в его шерсть и вскочила в седло.

Налирр. Охотница на чудовищ.

Смешно.

Когда я успела сама стать чудовищем настолько, чтобы привлечь настоящего охотника?

Глава 1. Аркерон

«Во сне легче всего найти свою кротовую нору и попасть в любой из миров. Главное — научиться возвращаться. Желательно, без кошмаров на хвосте». Из дневника Налирр.

Браслет проснулся, когда я заканчивала охоту.

Я как раз вытирала клинок о небольшой отрез ткани, фиолетовое небо медленно гасло над головой, мальчишка с такими же фиолетовыми глазами смотрел на меня снизу вверх, не понимая, что я только что разделала на куски целое семейство амагов, которых он случайно приманил в свой сон. Станный малый. Способный. Его магия ярко пахла глицинией и мокрым железом. Я хотела рассмотреть его получше, сказать ему что-то взрослое и тёплое, какое-нибудь «не подходи к границе один», но левое запястье обожгло.

Ну, началось.

Я даже не выругалась вслух. Не при ребёнке. Просто шагнула в кротовую нору, и ткань мира схлопнулась за спиной, оставив мальчишку, его амагов и его закат там, где им и положено быть. Может, он ещё долго будет вспоминать девицу с мечом, которая возникла из ниоткуда, порубила его проблемы в капусту и испарилась. Может, забудет сразу, как только проснется. Дети умеют забывать. Я в детстве тоже умела.

На той стороне меня уже ждал Аркерон.

В мире светило яркое полуденное солнце.

Лучше всего приходиться сюда ночью, темнота скрывает, успокаивает и не норовит поджарить тебя заживо прямо на подходе. Но до отцветания бутона Пауля оставалось мало времени, ночи ждать слишком долго, а браслет на запястье охлаждал руку и болезненно пульсировал, давая понять, что мои предпочтения никого здесь не интересуют.

Радует одно: в этот раз он позвал не на рассвете. По утрам, когда я пытаюсь досмотреть свои простые человеческие сны, его пульсация ощущается так, будто кто-то медленно ввинчивает в кость раскалённый штопор. Может, дело в том, что на рассвете я наиболее чувствительна. Ненавижу ранние подъёмы. В любое другое время — терпимо.

Удивительно вообще, сколько всего о себе узнаёшь, когда тебе не оставляют выбора.

Ослепительное солнце буквально прилипало к моей чёрной куртке. Я поспешила с открытого каменистого плато вниз, в спасительную тень деревьев, а дальше в ущелье. Мой компаньон, волк Берилл, трусил следом, задевая когтями каменистую тропу и громко дышал, высунув длинный розовый язык. Я придерживала левой рукой рукоять Сиками — короткого меча-глефы у бедра. Небольшая кожаная сумка оттягивала плечо, голову припекало нещадно, пришлось накинуть капюшон. Несколько невыносимо жарких минут, и наконец — спасительная тень деревьев.

Я выдохнула с облегчением.

Воздух здесь душный, густой, пропитанный запахами, которых нет на Мельхуте. Обращаю на это внимание неосознанно — обоняние вся моя жизнь. В каждом мире магия пахнет по-своему, магические способности людей тоже имеют неповторимый отпечаток. Мой нос не раз спасал мою задницу от неприятностей. Он же, справедливости ради, эти неприятности обычно и находил.

Смола местных деревьев пахнет не сосной, а чем-то острее, как горячий металл и мёд одновременно, с едва уловимой горечью на выдохе. Под ногами стелется мягкая подстилка из опавших листьев глубокого сине-зелёного оттенка, и когда на них наступаешь, они почти не шуршат. Я каждый раз ловила себя на том, что иду медленнее, чем должна, задерживаю взгляд на деревьях, откровенно любуясь переплетением ветвей. Маленькая Налирр во мне всё ещё удивляется. Налирр-охотница дёргает её за рукав: хватит. Не отвлекайся.

— Знаю, — беззвучно прошептала я.

Никто не ответил.

До озера примерно полчаса ходьбы. Я могу дойти до него с закрытыми глазами — уже третий раз хожу этим путем. Еще пару вылазок и нужно менять маршрут. За три года мне еще ни разу не попадались патрули, но лучше не забывать об осторожности, все же воровство дело тонкое. Мне не очень нравится. Но что делать.

Берилл ткнулся лбом о моё бедро и растворился между деревьями. Пошёл на разведку.

В густых кронах перекликались птицы, по звучанию нечто среднее между флейтой и стрекотом, короткие трели с долгим эхом. Я невольно замедлила шаг.

Потом остановилась совсем.

Слева послышался глухой треск ветки. Несколько секунд я стояла в полной тишине, в которой особенно громко слышала собственное сердце. Затем — мягкий шорох уходящих шагов, частый и лёгкий. Что-то некрупное. Местный зверёк, скорее всего.

Иду дальше, стараюсь шагать быстро, но каждый шаг контролирую. Пятка сначала, потом носок, пережат, чтобы сушок под ногой не хрустнул. Берилла не видно, но я чувствую его пульс рядом со своим. Обычно компаньоны — существа временные, но у нас с Бериллом история особая. Больше вопросов, чем ответов.

Ветер веет с противоположной стороны, тёплый, он несёт целую россыпь лесных запахов. Влажная земля, прелая листва, что-то терпкое, сладковатое и вдруг...

Свежая мята и анис. Неожиданно, ярко и очень неестественно.

В этот момент сердце ударило в рёбра, коротко и слепо, как птица в стекло.

Аркейцы.

Непривычный аромат принёс встречный ветер — повез-

ло. Не знаю, обладают ли аркейцы звериным чутьём, но приятно осознавать, что на этот раз ветер работает на меня, а не против.

Берилл мелькнул между деревьями в отдалении от тропы. Я в два прыжка поднялась на небольшой холм слева, поросший густым кустарником, и ничком опрокинулась в заросли, стараясь производить как можно меньше шума. Лёгкий порыв ветра снова принёс мятный анис. Запах их магии стал плотнее и ощутимее. Прошла целая вечность, или примерно пять минут, что в такой ситуации одно и то же. Потом слышались мягкие шаги.

Их было трое. Высокие, широкоплечие лучники в лёгких кожаных доспехах. Бледная кожа, длинные волосы, заплетённые в косы. Перемещались практически бесшумно, но быстро, явно куда-то спешили. Светловолосый, с серьгой в ухе, слегка замедлил шаг напротив моего укрытия и сосредоточенно огляделся. Либо почуял что-то, либо просто осторожничал, место и правда идеальное для засады.

Браслет на запястье снова отозвался волной обжигающей боли. Времени мало. Я перестала дышать. Как же не хочется драться с аркейцами. Трое против меня одной. Здоровенные, сильные, явно опытные. С чудовищами, если честно, в каком-то смысле проще, ведь большинство из них глупы, быстры, предсказуемы. От чудовища почти невозможно убежать, зато можно перехитрить. С людьми — наоборот. Убежать-то можно, но бегать по чужому миру так себе стратегия.

Кротовую нору, переход между мирами, здесь не прорезать. Эта часть Аркерона укрыта магическим куполом, который не позволяет незванным гостям вываливаться из бездны прямо на их территории. Так что исчезнуть под носом у патруля не получится. Да и Берилл здесь не сможет быстро принять свою лётную форму.

Неудобный мир. Надо же было найти полезные ресурсы именно здесь.

Напряжение в воздухе стало настолько осязаемым, что впору было доставать ложку и есть его на обед. А потом со стороны, откуда пришёл патруль, хрустнула ветка.

Аркейцы резко обернулись.

— Зверь, — тихо произнёс светловолосый.

Троица продолжила путь, как ни в чём не бывало.

Умница, Берилл. Абсолютная умница. Вовремя пошумел.

Я лежала ещё долго после того, как они скрылись.

Ну вот, — сердито сказала охотница девочке. — Чуть не прощелкала опасность, дуреха.

Ой, ладно, — ответила девочка. — Никто не пострадал.

Потом всё-таки встала и спрыгнула обратно на узкую звёриную тропку.

Я уже почти спустилась к озеру, когда услышала писк.

Что-то тонкое и прерывистое, как будто кто-то дышит сквозь стиснутые зубы. Совсем рядом, в кустах слева. Охотница сказала: иди мимо. Я пошла мимо. Сделала три шага. Остановилась.

— Аматы тебя дери, — проворчала я вслух. — Ну вот, конечно.

И свернула в кусты.

Он лежал под корнем. Грязный комок шерсти размером с мою ладонь, с задней лапой, вывернутой неправильно. Не котёнок в моём понимании. Что-то местное, явно кошачье, с круглыми ушами и закрытыми глазами. Дикий. Дикий и маленький. Дикий, маленький и умирающий, потому что лапа была сломана давно, и в ране уже что-то шевелилось.

Я присела рядом на корточки. Начертила над котенком руну лечения, в пальцах отозвалось ледяным холодом. Рана очищалась и затягивалась, кость вправилась, котенок зашипел. Беззвучно, одним только оскалом, потому что на звук у него уже не оставалось сил.

Оставить его здесь, даже с вылеченной лапой, равносильно смерти. Зверь истощен, да и добывать еду вряд ли умеет.

— Где твоя мама? — прошептала я. — Тоже бросила тебя...

Охотница внутри меня раздраженно фыркнула. У тебя мало времени. Надо выполнить задание. И патруль где-то в радиусе мили. Ты не возьмёшь его.

Но девочка Налирр уже посмотрела на зверька внутренним зрением и отметила слабое свечение — котенок сможет перейти за черту в другой мир.

— Он умрёт по дороге. — сказала охотница.

— Тогда он умрёт у меня на руках, а не под корнем. —

раздраженно ответила девочка.

— Тебя из-за него поймают.

— Может быть.

— Ну и дура.

— Ну и ладно.

Я расстегнула куртку, аккуратно подняла невесомого зверька и сунула во внутренни карман, к самому сердцу. Кот не сопротивлялся. Сил уже не было даже на это. Только впился в ткань одной здоровой лапой и замер.

Браслет вспыхнул резкой болью. Я прикусила нижнюю губу и пошла дальше.

К берегу я вышла одна, без Берилла. Озеро Саарх в полуденном свете было белым, словно кость. На границе воды и песка теснились непроходимые заросли увядших цветов Пауля: белые бутоны с запахом сладкой карамели и чего-то терпкого. Я в очередной раз поймала себя на мысли, что хотела бы увидеть, как они раскрываются. Охотница внутри меня хмыкнула.

Начертив в воздухе руны защиты, я шагнула в заросли. Сейчас парализующие семена мне не причинят вреда.

Зверёк под курткой дрогнул, когда я наклонилась.

— Тише. Сейчас. Только одно.

Достала из сумки защитную капсулу из матового сплава, размером с фалангу пальца. Сорвала ближайшее зерно, горячее, с хрустальной полупрозрачной скорлупой и темной

сердцевиной. Защелкнула добычу в капсулу и убрала в карман.

Обратно я шла быстрее. Берилл догнал нас на подъёме к плато, ткнулся в бедро, фыркнул на куртку, видимо, учуял пассажира. Я почесала его за ухом.

— Не съешь его, ладно?

Волк посмотрел на меня укоризненно, намекая, что полудохлые котята явно не входят в список его кулинарных пристрастий.

На плато солнце снова прилипло к плечам, но я уже не замечала. В гроте щёлкнула пальцами. Кротовая нора распахнулась с тёплым выдохом бездны. На долю секунды — на ту самую долю, которая ощущается вечностью, — нас обоих накрыла чернота без верха и низа. Я почувствовала, как зверёк под курткой дёрнулся.

— Ничего, — сказала я в темноту. — Ничего. Я с тобой.

Берилл не последовал с нами на Мельхут, отправился по своим собственным делам в миры. Я же вышла напрямик в один из подземных коридоров Подвербья. Воздух здесь пах не сырой землёй, как в обычных тоннелях Нижнего города, а озоном и нагретым металлом. Ласки давно перестроили часть своих владений под лабораторные нужды. Вдоль стен тянулись толстые жгуты энергожил, оплетённые медной сеткой; под потолком ровно гудели холодные диоды, а пол отзывался гулким металлическим звуком на каждый шаг.

Охранник-ласка, вооружённый до зубов — два кинжала на поясе, короткий лучевой жгут за спиной и тонкая полоска коммуникатора на запястье, — окинул меня привычным угрюмым взглядом. Я молча подняла палец к сканеру у двери. Кристаллический узел над косяком мигнул багровым, считал мой след по базе эфира и сменился на тёплый янтарный. Боец безмолвно кивнул и отошел от двери кабинета.

Шишу — седой мужчина преклонного возраста в белом халате, работал за столом. Вокруг него в воздухе мерцали проекции информационных панелей, развёрнутые веером: схемы, графики, столбцы данных. Шишу перебирал их пальцами, как страницы, отодвигал ненужные лёгким щелчком, увеличивал двумя движениями, параллельно делал заметки в своём блокноте, потёртом, с загнутыми углами. В этом весь Мельхут. Парящие проекции прекрасно соседствуют с бумажными ежедневниками, лазерные лучеметы с холодным оружием, а магнитные трассы и летающие трейберы больших городов с покосившимися домами и дырявыми дорогами в провинциях.

Я достала из кармана семя в защитной капсуле. На крышке тихо мерцала зелёная метка стазиса: энергетическое содержимое не повредилось при переходе — это хорошо. За испорченный урожай ласки платить не будут.

Ученый натянул толстые защитные перчатки с тонкой сеткой токопроводящих нитей по тыльной стороне, такие гасят любой нежелательный магический фон, взял семя из капсу-

лы и поместил в один из резервуаров. Над ним развернулась тонкая проекция — спираль данных, считывающая параметры образца.

Сверху Шишу удовлетворённо хмыкнул и подошёл к сейфу. Тот узнал его по узору ладони, бесшумно открыл дверцу в сторону, и учёный достал деактиватор цикла — небольшой прибор с несколькими датчиками и узкой щелью излучателя. Прислонил к моему браслету. Прибор тихо щёлкнул, по корпусу пробежала бледная искра, и металл на запястье сразу потеплел, перестав причинять боль.

— Деньги поступят на твой счет через пару дней. Как всегда, — прозвучал сиплый голос. Шишу тут же отвернулся, вытягиваясь обратно в свои проекции, будто меня здесь больше нет.

Теперь нужно зайти к Тэй и отчитаться.

Тэй Пустельга — самая первая ищейка в Подверьебе. Говорят, именно благодаря ей тридцать лет назад кланы вступились за нас и защитили от Орденской инквизиции. Так же, говорят, именно она нашла мощный источник энергии на Аркероне. Сейчас магичка занимается обучением молодых ищеек и руководит разведкой. Семена Аркерона — не единственное, что можно выгодно прикарманить на просторах щедрой вселенной.

Тэй обитала в красивых апартаментах, с просторными комнатами и богатым убранством. Невысокая, с серебристыми кудряшками и тонкими запястьями. Ангельская внеш-

ность обманчива, эта женщина многого добилаь и многое пережила. Подвербье делят ласки и сойки — два враждующих клана, и только в вопросах ищеек они пришли к видимому нейтралитету. Шутка ли, договориться с ними?

— На Аркероне мне встретился патруль.

Пустельга даже не посмотрела в мою сторону. За ее спиной в воздухе завис огненный элементаль — временная, но очень сильная игрушка. Большая редкость, доступная только высшим стихийным магам Мельхута. Таких уже почти не осталось.

— Карта на столе. Отметь место. — голос ее всегда был стальным и равнодушным. Но периодами я ловила на себе заинтересованный взгляд. Тэй думала, что я не замечаю. И я продолжала делать вид, что так оно и есть

Дело сделано. Я свободна на пару недель.

Вернувшись в коридор, где у меня прорезана кротовая нора, я щелкнула пальцами. Переход распахнулся, затягивая в черное ничто.

Представляю просторную комнату: двуспальная кровать, часы на стене над кроватью с электронным светящимся циферблатом, большой стеллаж с книгами рядом, старый широкий письменный стол, большое цокольное окно занавешенное шторой. Делаю шаг и выхожу из стены своей спальни.

Дом. Под кожей еще покалывало остаточное электриче-

ство иных миров, а здесь пахло лавандой и совсем немножко пылью. Я две недели отсутствовала, возможно, гуляла бы за чертой еще дольше, если бы не браслет ласок.

Солнце уже давно поднялось над моим холмом, но в комнату не заглядывало. Царил ленивый полумрак. Вообще, в Коростени солнце — гость дисциплинированный, все-таки южная провинция. Пока в столице, Вербнице, люди воюют за ресурсы, летают на трейберах и режут друг друга клинками в тени подземелий, здесь тепло, море и горы — моя личная константа в изменчивом мире.

Я осторожно расстегнула верхнюю пуговицу куртки и вытащила из нагрудного кармана тёплый, дышащий комок.

Котёнок спал.

Маленький, чуть крупнее ладони. Шерсть в одном месте свалилась колтуном. Раны уже не было, лечащая руна сработала на отлично — все же Аркерон легкий мир, наполненный магией, в отличие от Мельхута. Здесь лечить его пришлось бы традиционными методами и не факт, что они бы помогли. Тонкое розовое ухо вздрагивало во сне, лапа с втянутыми коготками подёргивалась, кому-то он там, в своём котячьем сне, давал отпор.

— Ну, и что мне с тобой делать, — сказала ему в макушку. Он не ответил. Молодец, в общем-то.

Я соорудила в углу комнаты лежанку из старого пледа и уложила зверька в теплое гнездо. Он уткнулся носом в складки и вздохнул так по-человечески обиженно, что у ме-

ня внутри что-то коротко дёрнулось.

— Тебя нужно покормить и отмыть, — сообщила я ему. — Именно в такой последовательности. Да и меня. Примерно в таком же порядке.

Отдельной инфопанели с выходом в эфир у меня не было, слишком дорогая штука для старого дома одинокой магички, но простые вещи вроде доставки можно было сделать через эфирник. Я вытащила его из ящика стола, моргнула, разгоняя усталую муть перед глазами, и открыла каталог.

Шампунь для кошек. Будем считать, что этот зверь ближе всего к кошачьим — морда вроде кошачья, лапы вроде кошачьи, презрение во сне определённо кошачье. Питательная база, тип «млекопитающее-хищник, размер минимальный» — на упаковке заботливо нарисован условный котёнок, условный лисёнок и условный кто-то ещё с большими ушами, чтобы покупатель не мучился определениями. Самоочищающаяся капсула-горшок самой простой модели одна штука.

Как я его буду оставлять, если придётся уйти на задание?

Вопрос был такой простой и такой неудобный, что я мысленно от него отмахнулась.

С собой не возмёшь. Опасно. И не вовремя пискнет — отвлечёшься.

Палец завис над строкой «автокормушка с биосканером». А потом еще маленький фонтанчик с водой, потому что в описании было написано, что котята лучше пьют из проточ-

ной. Нажала «оплатить» с каким-то мстительным удовольствием, как будто этим жестом затыкала циничную и равнодушную охотницу внутри себя свернутым в трубочку чеком. Поделом.

«Селлер будет у вас в течение тридцати минут».

Отлично. Коростень — городок небольшой, доставка не задержится.

Я положила эфирник на тумбочку и какое-то время просто стояла, глядя на спящий комок шерсти. Он сопел. У него дёргалось ухо. Под тонкой кожей на боку толкалось крошечное, очень настойчивое сердце, я слышала его отчетливо.

Маленький. Беззащитный. Сделал ровно ничего, чтобы заслужить и спасение, и предательство. Он просто был, и этого почему-то оказалось достаточно, чтобы я тащила его через границу миров в нагрудном кармане, прижимая ладонью, чтобы не растрясти.

Мой дом притаился на склоне холма. Старая одноэтажная постройка, насквозь пропитанная южным ветром с морским привкусом, а вокруг — двор, заросший одичавшими сливами, бесконечными кустами колючей ежевики и раскидистыми инжирными деревьями. Всё это запущенное, такое родное безобразие окружал полуразвалившийся деревянный забор. А что, выглядит живописно, вполне в моём вкусе. Честно говоря, дикий сад моего дома нравился мне куда больше милитаризованного безумия севера.

Полюбовавшись ещё немного на трепетного нарушителя

моего спокойствия, я наконец заставила себя пойти в ванную: помыться, переодеться, расчесать растрёпанные волосы. И только потом — кофе.

Очень маловероятно, что на моей кухне найдётся хоть что-то отдалённо напоминающее еду. О том, чтобы добавить к заказу съестное для себя, я, разумеется, забыла — у меня нашлись более насущные приоритеты примерно в ста граммах живого веса. Ладно. Кофе в любом случае должен был быть. Именно это чудесное зелье способно превратить меня обратно в человека.

Обшарив тумбочку над кухонной столешницей, я обнаружила начатую пачку молотых ароматных зёрен. Хвала единогогам! Поставила на плиту джезву, добавила кардамон и щепотку мускатного ореха. Хорошо, что специи хранятся долго. Когда уходишь бродяжничать по мирам, не всегда можно точно рассчитать время возвращения.

Как только содержимое джезвы прогрелось, я плеснула в неё воды прямо из-под крана и плюхнулась на пыльный стул.

Пыль.

В доме некому поддерживать чистоту в моё отсутствие, и некому пополнять запасы холодильника. После того как сестра ушла, дом окончательно одичал. Осталось только приведение, подвывающее ночами в соседней комнате, хотя, должна признать — оно гармонично вписывается в окружающее пространство.

Тельвин старше меня на три года. После отца — самый

близкий человек. Когда я была маленькой, она держала меня за руку по ночам, чтобы не утащили кошмары. Защищала от строгого нрава отца, насколько это вообще было возможно в доме, где человек военного склада ума контролирует каждый твой вдох. Помогала поддерживать легенду во время учебы в младшей академии: что я не маг, шляющийся за чертой, а просто болезненная девочка, которая часто пропускает занятия.

Магов в нашем мире боятся. А меня, если уж совсем честно, сторонились ещё охотнее, потому что я полукровка. Люди этого не знают, но чувствуют мою тьму на подсознательном уровне — моя вторая половина связана с бездной, отцом всех кровожадных тварей.

Тельвин знала обо мне всё. Она ведь росла рядом со мной — обычная девочка, не маг, каких в нашем мире большинство. Она видела, как я исчезаю из кровати посреди ночи вместе с телом. Иногда я возвращалась в крови и с очень круглыми глазами. И всё равно она была рядом.

Но в какой-то момент всё пошло кувырком.

Таркос — мой отец, большую часть своей человеческой жизни провёл на военной службе. Дослужился до офицерского звания, носил форму, отдавал приказы. А потом познакомился с неизвестным бродягой с севера.

Это знакомство стало для него переломным событием в жизни.

Бродяга был стихийным магом. Он рассмотрел в отце

крепкую нить и взялся за него со всей ответственностью. Таркос бросил службу, оборвал связи с эфиром и ушёл спать. То есть учиться, конечно, потому что в нашем плохо проходимом для магии мире, сон — первая ступень обучения. Важнейшая. И, как водится, самая опасная.

Сколько десятилетий ушло у него на покорение тонкой науки, мне неизвестно. Время для мага понятие растяжимое.

Однажды он зашёл так далеко, что в каком-то из миров нашёл любовь всей своей жизни. Очень своевременно: пока папа был на краю Вселенной, на Мельхуте началась облава на магов, в народе именуемая Черной весной. Повезло — не то слово.

Дама сердца, впрочем, не собиралась связывать судьбу с человеком. Родила меня, а через три года вручила папе. Подробности не знаю до сих пор; отец на эту тему был неразговорчив.

Таркос подарок принял. К тому времени он уже вернулся на Мельхут и скрывался в Коростени — подальше от больших городов, Ордена, кланов и любопытных глаз.

А потом война с Коррумом в очередной раз вошла в острую фазу, и на его плечи свалилась племянница. Тельвин.

Девочка, как и я, осталась без матери. Только если о моей просто ничего не известно, то родители Тельвин погибли на фронте. Оба медики, оба служили на капсульном медицинском трейбере. Коррумцы подорвали точку с ранеными. Когда Таркос узнал о смерти брата и его жены, сразу отправил-

ся на поиски племянницы. Нашёл её в интернате для детей военнообязанных, забрал с собой в Коростень и просто поставил рядом со мной. Вот тебе сестра. Вот тебе семья. Разбирайтесь.

Так мы и появились друг у друга. Не по крови, а по решению мужчины, которому больше некуда было нас деть.

Он растил нас, как умел. С Тельвин было проще: она была спокойной, послушной, во всём ему помогала. Со мной начались проблемы практически сразу. Я засыпала так крепко, что исчезала из кровати, уходила за черту слишком легко. Совершенно бессознательно. Представляла собой такого румяного колобка, который несётся по тропе сквозь мрачную лесную чащу, орёт весёлые песенки и дразнит аппетитными щёчками всю нечисть в округе. Чудовища, основательно обалдевшие от подобной наглости, принялись терроризировать меня усердно и регулярно, не пропуская, кажется, ни одной ночи.

Отец сразу сообразил, что случай тяжёлый, поэтому стал учить маленькую меня прятаться, а затем сражаться. Для существа столь невнятного происхождения — единственный шанс на выживание.

Первым у меня появился короткий кинжал кукри, выкованный каким-то старинным папиным приятелем и как следует заговорённый. Я назвала его Хагэ. Пока была ребёнком, просто держала в ножнах в кровати, вместо плюшевого медведя. Когда же подросла достаточно, чтобы начать трениро-

ваться всерьёз, мне подарили Сиками — изящный меч-гледфу. Лёгкий клинок, надёжный, в самый раз для девичьей руки.

Так прошло моё детство. За ним — юность. Странно, но по-своему привычно.

А потом отец доверительно сообщил, что я достаточно выросла.

В присущей ему манере, ничего толком не объясняя, сказал, что оставляет нас на неопределенное время и исчез. Ушёл за черту.

Старый дурак.

Прошло уже пять лет, он так и не появился. Мне не хватает его ворчания. Его тяжёлой ладони на плече. И, что уж там, его знаний. Я как недоучившийся хирург со скальпелем в руках: энтузиазма море, а вместо наставника — метод математического тыка.

Кофе почти закипел, я сняла джезvu с плиты и перелила темный напиток в розовую кружку с белым сердцем. Подарок от Тельвин на мое десятилетие. Совершенно не в моём вкусе. Я пью из неё уже много лет.

Когда отец нас оставил, Тельвин уже встречалась с парнем по имени Сайн. Она ничего про него не рассказывала, а в какой-то момент просто объявила, что уезжает к любимому. И перестала поддерживать со мной всякую связь.

Почему?

Я долго искала причину. Перебирала наши последние раз-

говоры, ссоры, оговорки. Чем я могла её обидеть? Что сделала не так? Вариантов набралось слишком много, и одновременно ни одного убедительного.

В какой-то момент я приехала в столицу по делам и написала Тельвин, чтобы встретиться. Сестра согласилась. Мы договорились на чашку кофе в одной забегаловке на окраине Вербницы.

Вот только она не пришла.

Пришли ласки. Забрали меня с собой и заковали руку в браслет, который невозможно снять магией Мельхута.

Кофе был крепким и сладким. Кухня наполнилась густым ароматом специй. Я протянула руку и погладила рукоять клинка, прислонённого в углу. Сиками отозвался знакомым, успокаивающим теплом. Котенок проснулся в спальне и призывно пискнул.

Мельхут — тяжёлое место для магов.

И всё равно я люблю этот мир.

Глава 2. Сонора

«Будь осторожен, прогоняя тьму. Она может забрать с собой и свет». Из дневника Налирр.

Кофе ещё остывал в розовой кружке, я сидела на пыльном стуле и держала на коленях крошку-котенка. И в этот момент я почувствовала её. Калитка во двор отворилась, в мою заросшую колючей ежевикой обитель вторгся человек.

Дело даже не в моём зверином чутье, а в том, что двор моего убежища надёжно укутан всевозможными охранными заклинаниями. Привидение носа не подточит, — сосед не в счёт, он местный, — не то что существо из плоти и крови.

Впрочем, сегодня невидимые хтони обходили мой двор стороной. В кухонное окно, занавешенное выгоревшей серой тюлью, заглянула девушка с тёмными кудрявыми волосами.

Сонора.

Тело отреагировало само — плечи расслабились, дыхание стало глубже. И в ту же секунду мелькнула мысль: так. И чего это ты размякла?

Я осторожно опустила котенка на пол и пошла к двери. Замок поупрямился. Скрипучая входная дверь поддалась не сразу. Она вообще никому не поддаётся с первого раза, и в этом её достоинство. Моя подруга переступила порог. Ее магия ощущалась запахом розового масла с легкими нотками

шалфея, как дикий сад где розы растут рядом с лечебными травами, на солнце, у горячей каменной стены.

— С возвращением, красotka! — она стиснула меня в крепких объятиях; кажется, мои косточки жалобно скрипнули. — Ты похожа на заморыша. Сколько дней ничего не ела?

— Ты знаешь, я могу долго обходиться без еды, — я потянула носом воздух. По правде говоря, Сонора права: я зверски голодна. Есть гостю я, разумеется, не собиралась, просто из её рюкзака исходил совершенно головокружительный аромат свежего хлеба и колбасы.

Девушка мгновенно оценила обстановку. Скинула рюкзак на ближайший древний стул, тот от такого обращения скривился, но устоял. С усилием отдёргнула занавеску, распахнула окно, скептически провела пальцем по пыльному столу, нашарила в шкафу тарелку и нож, извлекла из рюкзака пачку влажных салфеток — и замерла.

Из-под стола на неё снизу вверх смотрел рыжий котёнок одним своим раскрытым глазом. Второй слипся, но его это, похоже, не слишком волновало.

Сонора медленно опустила салфетки на стол. Перевела взгляд на меня. Потом обратно на котёнка. Потом снова на меня.

— Налирр.

— М?

— Объясни.

— А что объяснять, — я с непроницаемым видом потяну-

лась за хлебом. — Котёнок. Сидит под столом. Что тут непонятного.

Секунду мы смотрели друг на друга. А потом одновременно рассмеялись. Котёнок под столом неодобрительно дёрнул ухом, видимо, счёл нас несерьёзными. И вернулся к своему молчаливому наблюдению.

Сонора продолжила самоотверженно готовиться к своей спасательной миссии, а я пошла встречать селлера.

Сообщение с кодом высветилось на экране эфирника ровно в тот момент, когда что-то деликатно постучало в калитку с интервалом в полсекунды.

На пороге стоял паукообразный курьер размером с крупную собаку. Восемь тонких членистых ног, обтянутых матовой графитовой бронёй, аккуратно переступали по растрескавшемуся асфальту, стараясь не помять одуванчики и не увязнуть в раскисшей луже. На «голове» — гладкий чёрный купол с тонкой полоской бирюзовых огней, которые медленно перетекали слева направо, обозначая, в какую сторону робот «смотрит». Сейчас он смотрел на меня.

«Брюхо» — компактный стальной сейф между ногами мягко подсвечивалось изнутри тёплым жёлтым светом, как фонарик. На боку поблёскивала мерцающая сенсорная панель.

— Здравствуйте, Налирр, — произнёс селлер вежливым тенором. — Ваш заказ. Пожалуйста, введите код подтверждения.

Очень воспитанное существо. В Вербнице такие, я слышала, ещё и шутят на ходу, отдельной опцией за доплату. У нас в Коростени, слава единорогам, обходились без юмористических подписок.

Я набрала комбинацию. Сейф негромко щёлкнул и раскрылся двумя створками, как жук — надкрыльями. Внутри лежали мои покупки: коробка с кормушкой, пакет смеси, шампунь, фонтанчик, наполнитель и горшок. Я выгрузила всё на землю в три захода.

— Спасибо, что выбрали нашу доставку, — сообщил селе-
лер, аккуратно отступая на полшага. — Хорошего дня. Берегите котёнка.

Я застыла с коробкой в руках.

— Откуда ты знаешь про котёнка?

— Состав заказа, — невозмутимо отозвался курьер. Раз-
вернулся на всех восьми и засеменял вниз по дороге, акку-
ратно огибая лужицу.

На кухне Сонора оторвалась от бутербродов, оценила го-
ру коробок и молча принялась помогать. Вдвоём мы собра-
ли автокормушку. Штука оказалась проще, чем выглядела
на картинке: бак для воды, картридж с питательной базой,
маленький смеситель внутри. Он сам должен разводить пор-
цию по заданному графику, подогревать до температуры те-
ла и подавать в миску. Я залила воду, вставила картридж,
ввела параметры вручную: вид «кошачьи, ориентировочно»,
вес «около двухсот граммов, на глаз», возраст «недели две,

может, три». Машина приняла мои прикидки без возражений. Тихо булькнула и выдала первую порцию питательной пасты в керамической плошке.

Котёнок, до этого внимательно наблюдавший за процессом из-под стола, осторожно подобрался к миске. Понюхал. Подумал. И с жадностью принялся поглощать угощение.

У меня предательски заурчало в животе.

Сонора, не поворачивая головы, подвинула мне тарелку с бутербродом.

Пока я уничтожала колбасу, она устроилась напротив, подперев подбородок ладонью, и принялась внимательно меня осматривать.

Сонора — баку. Вообще маги встречаются в Коростени редко. Маленький город, население небольшое. Но Сонора встретилась. Она словно спокойная вода, море в штиль. Рядом с ней делается как-то непозволительно умиротворённо. И она от меня не шарахается, что удивляет больше всего.

Продуктовые припасы таяли на глазах. Я поглотила всё, до чего смогла дотянуться, и принялась за истребление кофе. Сонора потянулась за добавкой — серебристый браслет на её запястье коротко блеснул. Она машинально провернула его вокруг руки, этот неосознанный жест я видела у неё тысячу раз. Орденская работа, изящная. Почти такой же браслет есть и у меня — только Сонора баку, а я ищейка. Баку служат Ордену: защищают людей, отгоняют тьму, но взамен лишены главного — свободы ходить между мирами.

— Рассказывай, — сказала Сонора. — Где была, что видела.

— Много всего. Из последнего, случайно убила троих аматов.

— Случайно?

— Почуяла след. Шла на запах кислых зелёных яблок. Знаешь, такие, от которых оскомина. Их фирменный аромат. Вышла прямо в сон мальчишки. Аматы уже потирали лапки.

— Мальчишка с нитью или без?

— С нитью. Присутствовал целиком. Видел всё представление, пока я наводила порядок.

Сонора надолго замолчала и уставилась куда-то сквозь стену. Я знала этот её взгляд, угрюмый, почти сердитый.

А меня, напротив, распирало. Что-то происходит, я это чувствую, не только сердцем, но и просто по тому, как Сонора сидит. По законам жанра мне полагалось бы сейчас сделаться мрачной и сосредоточенной. Однако внутри меня жадно подрагивало любопытство: давай, выкладывай, не томи.

Вслух я, разумеется, ничего не сказала. Постаралась нацепить подобающее лицо. Сонора посмотрела на меня и слабо усмехнулась — значит, не получилось.

— У тебя глаза горят, как у ребёнка перед ярмаркой, — заметила она. — Прекрати.

— Я серьёзна как никогда.

— Угу.

Она помолчала ещё секунду и, наконец, заговорила.

— В сновидениях Мира что-то поменялось. Как будто лопнула натянутая струна. Это заметила не только я, другие баку тоже. Первое время ничего не происходило. А потом полезли чудовища. Активнее, чем обычно.

Я молча отставила кружку.

— За последнюю неделю ко мне обратились родственники троих жертв. Симптомы стандартные: люди теряют волю к жизни, спят подолгу, просыпаются ослабевшими. Потом не просыпаются вовсе. Меряченье.

— Ты ходила?

— Ходила. Ставила защиту.

— И?

— Двое мертвы. Щиты не держат, — сказала Сонора. — Совсем. Я ставлю, чудовище уходит. Но сновидец все равно труп.

Любопытно. Почему защита баку не помогает? Обычно их силы хватает, чтобы вытащить человека из кошмара. Но здесь что-то иное.

Людей пожирают чудовища, а способов от них избавиться существовало всего два, и оба со своими прелестями.

Первый — боевая магия. Быстро и эффективно: тварь уничтожалась раз и навсегда. Беда в том, что свободного мага в этом мире уже не найти. Остались только ищейки — повязанные кланами по рукам и ногам, и без согласия хозяев их с места не сдвинешь.

Второй — защитная. Достаточно подать заявку в Орден, и тебе пришлют баку, специалиста по отпугиванию тьмы. Вот только щит, как уже выяснилось, больше не работает. Да и раньше он тьму не убивал — лишь отгонял на время. А значит, рано или поздно всё возвращалось, и приходилось подавать заявку снова. Очень удобная схема для пополнения жреческой казны.

И где-то посередине между этими двумя — я, клановая ищейка, которая дружит с баку.

Так или иначе, планы мои на ближайшее время, кажется, определились сами собой.

— Ты посмотришь? — Сонора достала из кармана маленький пакетик. Внутри — серьга. Медный крючок, круглая шляпка, выгравированная спираль.

Зацеп.

— Девушка обычная. Без нити. Просто человек.

Я взяла пакетик. Металл сквозь плёнку был тёмным и слегка поцарапанным — серьгу долго носили.

— Спасибо, что ты есть, — сказала Сонора тихо.

Внутри меня что-то коротко встрепенулось. Я почти сказала что-то в ответ. Уже сложила слова. И тебе спасибо, что приходишь. Что находишь меня. Что в этом проклятом городе у меня остался хоть кто-то, кто не отворачивается.

Не сказала. Просто улыбнулась.

— Только не разводи мне тут сантименты, — буркнула я и принялась завязывать косу с такой сосредоточенностью,

будто от этого зависела судьба мироздания. — Иди уже. И эфирник свой найди, пока я твою серьгу отрабатывать буду. Свяжусь, как вернусь.

Сонора посмотрела на меня долгим внимательным взглядом — она слышала то, чего я не сказала, но милосердно сделала вид, что не заметила. Поднялась, накинула рюкзак.

— Возвращайся целой, красotka.

— Когда это я возвращалась иначе.

— Каждый раз, — сказала она у двери.

Дверь скрипнула. Калитка скрипнула. Шаги стихли.

Ещё минуту я сидела за столом и смотрела на розовую кружку с нарисованным сердцем. Потом встряхнулась.

— Прости, котенок. Придется искупать тебя позже. И имя придумать...

Я переоделась обратно в рабочую одежду — темные штаны с карманами, перевязь для оружия, черную майку под горло, малахитовый платок на шею. Накинула куртку и зашнуровала высокие ботинки. Уйти в сновидение неподготовленной — ладно, но если вдруг охота занесет в кротовую нору, обидно будет гулять по мирам в пижаме с котиками и босиком.

Улеглась в кровать прямо в верхней одежде. Свинство конечно, но ничего не остается. Пружины чуть слышно скрипнули, одеяло пахло лавандой.

Закрыла глаза.

И где-то под рёбрами всё ещё тихо подрагивала натянутая

струна — мне с Сонорой слишком хорошо. Это плохо, Нал-ирр. Соберись.

Сновидения — первая и самая важная ступень. Каждый маг нашего мира ищет свои собственные пути в рабочий сон. Мой путь начинался с ветра.

Чтобы уйти, мне не нужно считать овечек от нуля до бесконечности, перекатываться с боку на бок или шептать зловещие заклинания. Достаточно представить, а потом почувствовать вкус ветра. Холодного, солёного, морского бриза, который обнимет со всех сторон и нетерпеливо подтолкнет в спину: ну же, давай, иди. Он пахнет йодом и далёкими грозами, он щиплет губы и запутывается в волосах, словно живой.

Потом я открыла глаза...

Из темноты медленно проступили первые оттенки серого. Свинцовые грозовые тучи закрыли небо плотным куполом, от горизонта до горизонта, без единого просвета. Я стояла на узкой площадке, на вершине безымянной скалы, вокруг которой бушевало штормовое море. Холодные брызги долетали до лица и оседали на ресницах мелкими каплями. Внизу волны разбивались о камень с глухим утробным гулом, море пело на низкой ноте, предвкушая бурю. Возможно, когда-нибудь она действительно разразится. Но не сегодня.

Сегодня я смотрела на свои руки.

Бледные, с тонкими пальцами — они всегда выглядят именно так. Отстегнула с поясного ремня тонкие кожаные

перчатки, натянула их, затянула ремешки на запястьях. Они немного снижали чувствительность хвата при работе с Сиками, но без них не стоит, голые руки могут оставить след в чужом сновидении. Лицо закрыла платком, ткань пахла мускатным орехом и чем-то смоляным, терпким. Проверила ножны слева: клинок сидит плотно, ремешок-фиксатор застёгнут. Кинжал Хагэ на поясе справа, прихвачен дополнительным ремешком к бедру. Нащупала зацеп-серьгу в нагрудном кармане куртки — на месте.

Последние приготовления: начертить в воздухе руну призыва. Указательный палец почувствовал привычный лёгкий ожог. Символ вспыхнул и погас. Рядом раздались мягкие шаги.

Обернулась и поприветствовала друга. Пальцы погрузились в густую шерсть на загривке, чуть влажную от морских брызг. Чтобы запрыгнуть волку на спину, приходится опереться на его сложенное крыло. Он немного присаживается, чтобы облегчить мне задачу.

Перекинула ногу и устроилась в седло — широкий пояс-платформу за основанием крыльев. Провела рукой над креплениями, они схватились чуть выше колен, плотно, но не сдавливая — мое личное магическое изобретение. Высвобождение происходит моментально, стоит только этого захотеть. Зато на крутых виражах не соскользнешь.

Волк распрямился. Готов.

Через мгновение мы уже летели наперегонки с ветром.

Под нами море вздыбилось чёрными горами: вода кипела и бушевала. Над нами — глухое свинцовое небо. Ветер толкал в спину. Добрый знак. Значит, до Перекрёстка доберёмся быстро.

Перекрёсток — угрюмая, одиноко торчащая из пучины скала. Волны разбивались о её основание с яростью, снова и снова, век за веком, но этому древнему исполину нет до них никакого дела. Он существовал всегда.

Нас интересовала площадка наверху — пяточок голого камня перед входом в башню. Старую, сложенную из тёмного базальта.

Приземлились прямо перед огромной деревянной дверью, обитой железными пластинами, потемневшими от соли и времени. Я потянула за металлическое кольцо, пальцы почувствовали шершавость ржавчины даже сквозь перчатку. Тяжёлая дверь открылась не до конца, со стоном, но щели нам достаточно, чтобы протиснуться внутрь. Берилл уменьшился в размерах, седло и крылья развоплотились, нам предстояла пешая прогулка, а значит все это без надобности.

Знакомый полумрак коридоров обволакивал сразу, как вода. Налево пойдёшь — в лабиринт сновидений попадёшь. Направо свернёшь — к кротовой норе выйдёшь.

Когда я была маленькой, пользовалась этой дверью, чтобы быстренько улизнуть в свой любимый мир с парком аттракционов. Там пахло сахарной ватой и горячим асфальтом, а

карусели крутились даже ночью. Кротовая нора — она и во сне кротовая нора. Стоит ступить в неё, и тело исчезает из постели. Куда занесёт новичка амат знает. Со временем можно научиться самому заказывать музыку, а до тех пор лучше иметь в арсенале наставника, который сможет отыскать потеряшку и за шкурку приволочь обратно в родной мир.

Среди магов Мельхута существовал негласный закон: первая найденная дверь становится твоей навсегда. Через неё, и только через неё, первые годы обучения человек совершает переходы. В какой бы части сновидения она ни находилась: в подвале заброшенного дома, на дне колодца, в расщелине дупла. Нашёл — она твоя. И ты её. Я свою первую дверь обнаружила именно здесь, в темном лабиринте Перекрестка.

Однако, чуть позже, правило «одной двери» перестало для меня работать. Я могу проделать дыру где угодно, и уйти за черту из любого места. Почти.

Из Перекрёстка есть ещё направление прямо, и наверх по лестнице. Но выше третьего этажа я еще ни разу не поднималась.

Сегодня меня потянуло налево, и я не сопротивлялась. Я взяла в руку серьгу, она жжёт пальцы даже сквозь перчатку. Бегу сквозь тёмный коридор; мимо проскакивают едва заметные тени. Берилл трусит за мной по пятам, я слышу его жаркое дыхание и приглушенный цокот когтей по каменному полу.

На стенах бледными маячками горят искры голубовато-

го холодного света. Мы уже в лабиринте. Бесконечное число поворотов, окошек самых разных форм и размеров, межкомнатные двери, калитки, входные арки, маленькие форточки и панорамные проёмы во всю высоту коридора — выходы в чьи-то сны. Чужие истории, чужие страхи, чужие радости — всё за этими дверями. Но меня тянет дальше.

Наконец, предчувствую финиш.

Перед нами красная деревянная дверь с золотистой ручкой в форме вытянутого листа. Открываю.

Нос немедленно ловит затхлый, прелый запах хлебной плесени. Густой и липкий, будто кто-то забыл буханку в пакете и вспомнил о ней лишь через неделю. Однако никакого помещения уже нет, мы стоим на поляне в лесу, среди цветущих маргариток. Белые и розоватые лепестки, жёлтые сердцевины — всё безупречно, как на открытке. Солнце стоит в зените, припекает по-летнему серьёзно; в тени деревьев над рываются цикады. Серьга в руке перестала пульсировать и жечь. Прячу её в карман. Мы на месте.

Нащупываю тропинку, едва заметную, примятую, и мы уходим в глубину соснового леса.

Хищники бездны, способные охотиться на людей, могут перемещаться между мирами, а могут доставать вкусных человечков более тонким образом — через сновидения. Обычные люди, без врождённой нити магического дара, совершенно беззащитны. Во сне они способны неосознанно близ-

ко приближаться к границе, и именно там их поджидают чудовища. Одни пожирают сновидца сразу. Другие растягивают трапезу на годы. Итог в обоих случаях один: человек умирает в собственной постели.

Таков порядок вещей в нашем мире, ничего нового. Плохо одно — как сказала Сонора, щиты баку перестали работать, чудовищ стало гораздо больше, а свободных магов, которые согласились бы встать на защиту жителей Мельхута — единицы.

Запах плесени нарастает с каждым шагом, хотя пейзаж вокруг не меняется: ровные бурые стволы, рассеянный свет сквозь хвою, мягкая игольчатая подстилка под ногами. Но я уже знаю, кого мы найдём — этот запах мне знаком.

Сердце сбивается с ровного шага. Я осознаю это и намеренно замедляю дыхание. Азарт — хороший слуга, но скверный хозяин.

Берилл сходит с тропы и растворяется в тени — он чувствует то же, что и я. Добыча близко, ему пора на позицию. Мы берем нашу жертву в кольцо. Я ощущаю кровожадный голод волка почти физически, как жар от открытого огня, я и сама его разделяю и на долю секунды почти растворяюсь в нём. Чувствую, как что-то тёмное и такое притягательное поднимается из глубины, расплывается горячим огнем по организму, зовёт отпустить себя на волю. Но я догадываюсь какова цена этого «отпустить». Я охотник, а не чудовище... Наверное.

Ламашту — наша цель, довольно частый зверь в сновиде-

ниях наряду с аматами. В отличие от последних, ламашту глупы как пробка, зато хорошо защищены и убить их немного сложнее.

Противник возник внезапно — в нескольких метрах впереди воздух загустел и собрался темным пятном, приобретая очертания хищного существа. Секунду спустя передо мной материализовалось скорпионоподобное, покрытое хитином создание с чешуйчатым женским торсом. Безупречно красивое женское лицо, равнодушное, словно пустая маска. Белокурые длинные волосы стелятся по спине, ниспадают на плечи и руки с клешнями. Слабое место этой твари — чешуйчатый живот на получеловеческом торсе.

Берилл затаился. Первый удар мой.

Клинок уже в руке, красotka-ламашту ринулась в атаку. Главное, прочитать верный ритм, с которым двигается чудовище, подхватить его, прочувствовать и перенять на себя. Если не попасть в ритм, тебя сразу поймают и аппетитно сожрут.

Клешня молниеносно устремилась мне в шею, но я не стала встречать ее в лоб. Ушла с линии атаки вправо и вперед. Клинок встретил хитин под углом — не остановил удар, клешня проскользила вдоль лезвия, заговоренный металл попал в сочленение и отсек конечность. Ламашту вложила в удар слишком много звериной ярости и чуть не завалилась вперед, не успев погасить инерцию. Тем временем клинок продолжал путь — замах и режущий удар в неприкрытый

бок.

Тварь отскочила назад и короткий меч-глевфа рассек воздух. Ламашту зашипела, прижала свою покалеченную конечность к груди, обиженно скривила мордочку и окинула меня ненавистным взглядом глаз-бусинок. Чёрная лимфа стекала из обрубка по руке на живот, капала на землю.

Она не стала использовать свой хвост с жалом, решила, что меня легко можно разорвать клешнями. И поплатилась.

Я угрожающе выставила клинок перед собой, тварь качнулась назад — и в этот момент сзади навалился Берилл. Его челюсти сомкнулись на хвосте скорпиона с хрустом; рывок — и фрагмент с жалом остался у него в пасти.

Пока Берилл отвлекал на себя внимание я уже заканчивала чертить руны. Иса — замораживающий, замедляющий знак, разлилась синим светом, холодным и беспощадным, как январский рассвет. Тварь схватило мгновенно — изморозь пошла по торсу вверх, перехватила горло, остановила вой на полужвуке. Леди-хищник замерла.

Прямой укол в центр без замаха — Сиками вошёл точно в ледяной живот. Чудовище разлетелось на мелкие льдинки. Они посыпались в траву со звуком рассыпанного хрусталя и тут же начали таять, оставляя на иглах влажные тёмные пятна.

Берилл немедленно занялся своим трофеем. Взырошенный, довольный, он грыз откушенный хвост, аппетитно чавкал и брызгал слюнями во все стороны.

— Фу, дружище. Где твои манеры.

Он не удостоил меня ответом. Хвост истончился у него во рту, расползлся, как сахарная голова в горячем напитке. Бирилл поглощал всё, что осталось от чудовища. Трапезничал.

А у меня дрожали колени.

Обратная волна после схватки — адреналин уходит не сразу, он выкатывается из крови медленно и неохотно, руки чуть трясутся, а в голове звенит тонкий, почти неслышимый звон. Я привалилась плечом к стволу и дала себе несколько секунд. Только несколько.

Потому что это ещё не конец.

Нужно найти якорь — точку, через которую чудовище зацепилось за сновидящего и высасывало из него силу. Без якоря работа не закончена. Чудовища часто охотятся стаями и через эту открытую дверь в любой момент придёт его собрат.

Якорь нашёлся неподалёку. Я почти сразу его увидела — он не мог не бросаться в глаза: корявое дерево, чёрное, болезненное, будто облитое неизвестной едко пахнущей жижой. Кора вздулась и потрескалась. Ни одной живой ветки. Оно стояло среди здорового леса как чужеродное включение.

Черчу руну очищения — Кхен. Дерево занялось мгновенно, вспыхнуло белым огнём и исыкло.

От мрачного пятна в лесу не осталось ни следа. Запах плесени исчез. Сосновый лес стал просто сосновым лесом. Сол-

нечным, чистым и здоровым.

Дело сделано. Идем домой.

Возвратиться в свой мир проще всего через уже открытую дверь. На Мельхуте колдовство даётся с трудом, поэтому кротовую нору я заранее вырезала прямо в стене своей спальни — на такой случай. Когда нужно быстро уйти из дома, достаточно щелчка пальцев, и щель открывается. Неприятности не будут ждать, пока я улягусь на кровать и побегаю по Перекрёстку. То же самое и в обратную сторону: просочиться через уже прорубленную дверь куда легче, без лишних затрат сил.

Кротовая нора выплюнула меня в комнату. Рядом скрипнула половица. Берилл по-хозяйски прошествовал мимо и улегся у дальней стены. Приподнял голову и протяжно зевнул, обнажив клыки размером с мой большой палец.

— Решил заглянуть на Мельхут? Надоело бродяжничать за чертой, пока я не позову?

— Старый дом. Скучать. Не пугать твоих людей, — рычащий скрипучий голос возник прямо у меня в голове, не снаружи, а изнутри. Язык и гортань зверя не приспособлены для членораздельной речи, поэтому Берилл говорит прямую, минуя воздух и уши, без лишних условностей.

— Да было бы кого пугать, — проворчала я.

Меня всё ещё немного потряхивало, но уже не от адреналина после схватки. Здравствуй, магический откат. Меч — инструмент быстрого реагирования, он работает в любой

ситуации. Но для магии нужно время и силы. Руны — мой персональный инструмент, это палка о двух концах: Иса — призывает лед, замораживает, замедляет, тянет силу из меня так, словно вода уходит в песок. Руна Соулу — пламя, напротив, наполняет, черпает энергию прямо из истока и гонит её по моим жилам горячей волной. Руна очищения Кхен балансирует на грани, не дает, но и не забирает. Сейчас я израсходовала своё, и тело честно предъявляло счёт.

Я добралась до тумбочки, где покоился мой эфирник. Экран вспыхнул приветливым светом.

Сообщение от Соноры.

Гаджет как на зло завис, над каждым действием он раздумывал с философским спокойствием. Наконец слова проступили на экране.

«Ничего не получилось, Нал. Девушка. Умерла.»

Дело — дрянь.

Глава 3. Вурдалаки

« Не каждый вурдалак, который пьёт твою кровь, выглядит чудовищем. Некоторые выглядят вполне сносно. Иногда даже красиво. Но в обоих случаях — это проблема». Из дневника Налирр.

Перечитав еще раз три сообщения от Соноры, я сидела на стуле в спальне и прислушивалась к собственным мыслям. Там было пусто.

В углу комнаты, в гнезде из старого пледа, зашуршало.

Я опустилась рядом на корточки. Кошка, как я уже выяснила, лежала на боку и смотрела на меня одним приоткрытым глазом.

— Ну что, страдалица. Будем мыться.

Страдалица фыркнула в ответ и закрыла оба глаза, видимо, в знак протеста.

Я поставила в ванной таз, набрала теплую воду, как для младенцев. Развела в ней пару капель шампуня, достала чистое полотенце. Котёнка извлекла из пледа и понесла в ванную комнату.

— Если ты сейчас начнёшь орать, я обижусь, — предупредила я её честно. — У меня был тяжёлый день.

Она не орала. Замерла у меня в руках с выражением «делай уже, что собиралась, человек, я слишком устала для дра-

мы», и всё то время, пока я её отмывала, смотрела на меня сосредоточенно, не моргая. Под слоем грязи постепенно проступала шерсть: не бурая, как я думала, а рыжая со светлыми полосками на мордочке и кончиках лап. Глаза, когда наконец открылись оба, стали еще ярче. Благородный кроваво-рубиновый цвет.

— Так ты, оказывается, ещё и красавица, — сказала я ей. — Это плохо. Красавиц вечно используют не по назначению. Кошка чихнула.

Завернула её в полотенце и уложила обратно в гнездо. Рядом в кресле лежала открытая книга — я её дочитала еще месяц назад, но так и не положила на полку. Том в потрепанном переплёте, четвёртая часть хроники, которую я подобрала в одном из миров года три назад и с тех пор таскала с собой как контрабанду. У нас за такие книги ничего не было, но и достать их было нигде. Летопись далекого мира читалась как особо жестокий роман. Местные боги откровенно издевались над своими почитателями, потому что в живых из значимых лиц к концу эпохи не осталось почти никого. Запомнилась одна маленькая девочка с мечом, пропавшая без вести во время путешествия по неизведанным мирам. Она действовала по принципу «сначала выжить, потом разобраться, кому за это отомстить». Хороший подход, мне нравится.

Я положила книгу на колени. Кошка принялась медленно и демонстративно вылизывать мокрую лапу.

— Знаешь что, — сказала я ей. — Буду звать тебя Арья. Тебе, наверное, всё равно, а мне приятно.

Она прищурила один глаз. Не возразила.

Я листала хронику минут двадцать. Арья сопела. Свет за окном медленно густел. На какое-то время мне почти удалось забыть про девушку, у которой этим утром остановилось сердце после моей незавершенной охоты.

Почти.

— Берилл, — позвала я, не отрывая взгляда от страницы.

Тяжёлые шаги. Когтистый стук по половицам. Берилл просунул голову в дверь и без выражения посмотрел на меня жёлтыми глазами.

— Дружище. Где мы облажались?

— Ламашту жрать сновидца. Мы жрать ламашту. Всё хорошо.

— Мы убили тварь. Сновидец всё равно умер. По твоей бухгалтерии всё сходится?

Берилл задумался.

— Может, его жрать не ламашту, — сказал он наконец. — Может, ламашту просто кушать рядом.

Я медленно подняла глаза от страницы. Иногда мой компаньон выдаёт такое, что пора бы уже завести блокнот с его цитатами.

— Повтори.

— Жрать может другой. Ламашту пригласили обедать. За компанию.

Воспоминания пронеслись вспышками: лес, цикады, абсолютное умиротворение, маргаритки, тропинка. Что-то было не так. Я смотрела, но не видела.

— Ладно. Пожалуй нам тоже стоит пожрать. Может будет лучше думаться.

Я накинула куртку. Хагэ на своем месте, под правой рукой, а вот Сиками переместился за спину. Рукоять торчит над плечом и выхватывать не очень удобно, но в Коростени кровавые стычки редкость; весь цвет местного бандитского сословия давно перебрался в крупные города в поисках добычи позначительней, например Вербница с Подвербьем.

Что касается отношения людей к открытому ношению оружия, то здесь у нас дела обстоят совсем просто — холодное оружие не запрещено, поэтому носят его все, кому не лень. В среде военных давно используются лазерные лучеметы и другие новейшие разработки, к счастью, все они жёстко лицензированы и отслеживаются. Такие игрушки доступны только официальным силовым структурам.

Попытки государства разоружить население или распространить контроль на всё остальные виды оружия раз за разом разбиваются о глухое сопротивление: в стране слишком глубоко укоренилась клановая система, а кланы свои традиции не сдают. Нож или меч — это не просто оружие, это часть уклада, способ защитить своих без оглядки на лицензии и реестры. Государство давно бы запретило, да только лишний ропот сейчас ни к чему. Война требует единства.

Тихое оружие не фиксируется системой, не светится в отчётах и остаётся в руках народа.

Берилл выскочил на улицу первым, едва не сбив меня с ног. Свежий ветер повеял в лицо, принеся с собой запах трав и прогретой земли. Я закрыла входную дверь старым ключом и повернулась к выходу со двора. Спустишь в городок, загляну в кафе. Арию оставила с инструкцией не безобразничать. Хотя, вряд ли это поможет.

Мысль о котёнке неожиданно согревала, но чувство проваленного дела никуда не делось. Я, со всей своей въедливостью, не справилась. Расслабилась, не заметила что-то важное. Бывает. Плохо только, что ценой ошибки стала чужая жизнь.

Загадку нужно решить. Только вот как? Сновидение схлопывается в ту же секунду, когда обрывается жизнь сновидца. Назад не вернуться. След не взять.

Я зашагала по грунтовой дороге вниз по склону. На повороте свернула на едва заметную тропинку за колючими зарослями шиповника и бодро начала спуск. Берилл отстал, видимо, учуял мелкую живность и решил заняться делом поважнее. Сумерки сгущались.

Где-то высоко над головой прошёл низкий гул. В темнеющем небе, чуть подсвеченном последними отблесками заката, неспешно скользили два вестра — длинные обтекаемые силуэты с тускло горящими по бокам габаритными огнями, красным и зелёным. Шли парой, в сторону северо-запада.

Туда, где за лесом, в 25 милях отсюда, дымил завод. Городок наш считался глубоким тылом — тихая провинция, но именно эта тишина и приглянулась в своё время инженерам. Завод поставили здесь полвека назад, и с тех пор над холмом регулярно ходили на испытания свежие машины: то поодиночке, то целыми звеньями. Местные давно перестали обращать внимание. А я задирала голову каждый раз.

Тропа срезала изрядный кусок пути; вскоре я снова вышла на асфальтированную старую дорогу, в трещинах и выбоинах. По обочинам в густой зелени прятались домики местных жителей с аккуратными заборами; тёплый свет из окон слегка освещал дорогу. За поворотом торчал фонарный столб. Старый, чугунный, с пузатой эфирной колбой наверху. Колба не светилась: то ли разбита, то ли давно никто не озаботился её перезарядить. Связь в Коростене ловила через раз, и столбов с эфиром здесь было раз-два и обчёлся. Не то что в столице, где они стояли через каждые полсотни шагов. От их янтарного мерцания ночью становилось светло как днём.

Ещё немного и дорога вывела меня на оживлённую окраину городка. Здесь была городская остановка, кафе, рынок с уже опустевшими лавками. Рабочий день заканчивался, оставшиеся торговки неспешно собирали коробки с нераспроданными овощами, поглядывая в мою сторону с профессиональной надеждой. Мужики у столов перетирали столичные новости, активно жестикулируя и прикладываясь к ста-

канам. Вечерний отдых после трудового дня шёл полным ходом. На углу остановки тихо потрескивало информационное табло: половина светодиодных букв выгорела, и расписание рейсов читалось с трудом, через слово. Кто-то приладил рядом самодельный фонарь на эфирной батарее, тот хотя бы честно горел.

Я накинула капюшон, спрятала косу под куртку. Не то чтобы здесь мне что-то грозило, просто не люблю лишних взглядов. Предпочитаю тень.

Быстро проскользнула во дворик кафе и толкнула дверь. Внутри было тепло и сразу пахло мясом, дровами и застоявшимся табачным дымом, и ещё чем-то кисловатым, металлическим, что я не сразу опознала. Кровь. Чья-то старая, засохшая, может, на подошвах или на одежде. Ничего экстраординарного для такого места, но нос зафиксировал.

Я по привычке отметила расположение открытых окон и выбрала место подальше в углу с видом на выход.

Пока шла, успела осмотреться. Двое у стойки, широкие, расслабленные. Местные. Привычные. Не опасны, если не засматриваться.

Мужчина в середине зала сидел спиной ко входу, что само по себе довольно самонадеянно. Впрочем, кто знает. Я мысленно пометила его.

Женщина в дальнем углу, напротив, сидела лицом ко входу, как я. Наши взгляды на секунду встретились, и она чуть дольше обычного держала мой, прежде чем вернуться к сво-

ей кружке. Не враждебно, скорее оценивающе. Таким взглядом смотрят люди, которые тоже привыкли просчитывать пути к отступлению.

Над барной стойкой тихо бубнил приёмник — старая модель в обшарпанном металлическом корпусе, с круглой шкалой настройки. Передавали сводку с северных границ, голос диктора плыл и временами тонул в шипении.

Кинжалов в зале было не меньше, чем посетителей. У большинства по одному на поясе, у некоторых по два. Я потянула носом чуть глубже, отфильтровывая еду и дым. Магия пахнет по-разному в разных мирах, иногда как озон перед грозой, иногда как горелая смола. Здесь было что-то едва уловимое, тёплое, с горчинкой, немного похожее на воск со свечи, которую только что задули. Кто-то из присутствующих что-то нёс в себе. Часто так пахнет от людей, побывавших рядом с сильным колдуном, или от амулетов. Источник я не определила, но взяла на заметку.

На меня смотрели трое или четверо, мельком, как смотрят на любого вошедшего. Новое лицо в небольшом заведении — это нормально. Никто не задержал взгляд дольше нужного, никто не подал знака соседу. Это тоже информация.

Уже через пять минут передо мной стояла большая тарелка картофеля с мясом и двойная порция кофе. Хвала единогограм!

Когда больше половины тарелки было уничтожено, мысли про смерть сновидца наконец перестали скакать и улеглись

в нечто пригодное для размышлений. Версия Берилла, что ламашту была на обеде, а не на охоте, переворачивала всё с головы на ноги. Если она пришла «к накрытому столу», значит, стол накрыл кто-то другой. Кто-то, кого я не почуяла.

Иногда, слишком глубоко погружившись в свои раздумья, я становлюсь рассеянной. Это, разумеется, недопустимая глупость, и каждый раз я обещаю себе, что больше так не буду. И каждый раз вру.

Я не сразу ощутила на себе пристальный взгляд. К моему столу подошёл невысокий мужчина средних лет, бесцеремонно отодвинул стул и уселся напротив, разрешения не спросив.

— Привет, Налирр. Извини, если помешал.

Его баритон был мне незнаком. Как и лицо. Мужчина из тех, что абсолютно не запоминаются и легко растворяются в толпе. Лет пятидесяти, тёмные с проседью волосы, глубокая морщина поперёк лба, живые светлые глаза. Рубашка вышедшего из моды покроя, потрёпанная кожаная куртка. Оружия не видно, скорее всего спрятано.

Он производил впечатление сытого, довольного жизнью кота. Из тех котов, которых не стоит гладить против шерсти.

— Ты меня не знаешь, а вот я с твоим отцом когда-то пересекался, незадолго до Черной весны. Ищу его довольно долго. И вот, какая удача, что я случайно наткнулся на тебя. Даже не думал, что у него такая прелестная рыженькая дочка.

«Удача» и «случайно», ну да. Я не смогла сдержать смех.

Черная весна... Облава, кровь, браслеты на запястьях выживших магов. Я тогда еще не родилась. Но знаю, что после облавы Таркос числился «пропавшим без вести». Я же попала в базу эфира, когда попалась ласкам три года назад. До этого момента меня не существовало официально — в провинции легко было подделывать документы, у отца хорошо получалось. Обидно, что стоило ему действительно «пропасть», так почти сразу меня схватили. Этот мужчина судя по всему имеет доступ к закрытым каналам. Если он знал Таркоса, выйти на меня по фамилии теперь проще простого.

— Чем могу помочь?

Своё недовольство я загнала поглубже и попыталась натянуть вежливую улыбку, но обычно так себе получается, Тельвин говорила, у меня всё на лице написано крупными словами, часто нецензурными.

— Меня зовут Ирбис. Это, как ты понимаешь, не настоящее имя.

— Я ничего не понимаю, я ем.

Он коротко усмехнулся.

— Когда-то давно я оказал твоему отцу услугу, и он обещал вернуть должок. У меня появилась проблема, которую Таркос мог бы решить. Уверен, ты знаешь где его искать, не так ли, девочка?

«Девочка». Я мысленно поставила галочку. Так обраща-

ются либо те, кто хочет тебя умирить, либо те, кто хочет тебя унижить. Часто одно плавно переходит в другое.

— Оплачивать долги моего отца... занятие, которым мне хочется заниматься меньше всего на свете, — сказала я честно. — И, конечно, даже если бы я знала где его искать, то не сказала бы.

— Даже не сомневался. — мужчина тепло улыбнулся и добавил: — Ты ешь, ешь, остывает же.

Такой заботливый дядя. Если он сейчас ещё и салфетку мне предложит, я сбегу немедленно.

— Уже наелась, спасибо. Рассказывайте, с чем пришли. На всякий случай: я не мой отец. За его долги не отвечаю. Но выслушать могу.

— Прекрасно. — Он одобрительно кивнул и принял у официанта чашку кофе. — У меня есть внук. Ему недавно исполнилось семь. — Помолчал. Отпил большой глоток. — У него начали проявляться способности. Он рождён с нитью.

— Поздравляю. Случается нечасто.

— Вот только нам этого не нужно.

Я подняла бровь.

— Нить — тёмное дыхание бездны, которое разрушает наш мир. Маги притягивают чудовищ. Вы вне закона, и это справедливо. Самое лучшее, на что вы можете рассчитывать — путь жертвенности в Ордене, где вас перевоспитывают в баку. Либо сдаться в рабство кланам. — Ирбис выразительно посмотрел на браслет, стянувший моё левое запястье. — Не

обижайся, но вам не позавидуешь. Мы не хотим этого для Лари. Он этого не выбирал.

Обижаться было совершенно не на что. Ирбис декларировал догматы Ордена Седьмого Пути, их знают даже младшие ученики начальной академии. Путь жертвенности — отказ от способностей, от боевой магии и путешествий между мирами, для того чтобы посвятить себя служению и защите не магического населения Вельна-Торн. Ничего нового. Люди нас боятся и проклинаят. Спасибо Ордену, придумали отличную байку, будто мы виноваты в том, что из бездны к нам лезут хтони.

— И что вы хотите от меня?

— Чтобы ты уничтожила его нить.

Я аккуратно поставила чашку на стол.

— Что?

— Нить можно уничтожить. Разве ты не знала? Таркос это делал.

Я не знала. И это, пожалуй, было обиднее всего, что я узнаю об этом от чужого мужика в провинциальном кафе, а не от собственного отца, который, оказывается, умел.

— То есть у вас на руках ребёнок с уникальным даром, и вы хотите этот дар выжечь под корень.

— Да.

— А ребёнка спросили?

— Он готов принять решение семьи.

«Готов принять решение семьи». В семь лет дети готовы

принять любое решение семьи, потому что у них нет другого выхода.

— Я вам здесь не помощник, — сказала я, когда снова обрела возможность говорить.

— Не уверен. Таркос очень сильный маг. Уверен, ты той же породы. Подумай. Я хорошо заплачу. Несмотря на то, что твой отец мне должен, ты не он. Это будет честная работа. Сколько скажешь.

— Таркос точно это делал?

— Да. С моей дочерью.

Отвратительная новость. Таркос выжег способности девушке. Мне даже не хотелось выяснять подробности — стало тошно. Магов в нашем мире и так осталось мало. Чудо, что такие люди рождаются. Отец сам же мне об этом говорил, и вот получите...

Я подозвала официанта.

Полезла в кошель и вытащила двух дедов — плотные квадратики с водяным знаком и профилем человека, чьим именем здесь уже триста с лишним лет считают года. Корвин, король Торна, великий князь Вельна, архонт Скулоских Островов. Потом, когда всё это слилось в одну корону, просто император Вельна-Торн. На купюре он был молодой, в простом венце, со строгим взглядом куда-то поверх правого плеча зрителя; на монетах его чеканили старым, с худым острым подбородком, хитрым прищуром и короной потяжелее.

Положила деньги на стол. Корвин с купюры смотрел по-

верх плеча Ирбиса. Точно так же, как, должно быть, смотрел в своё время поверх плеча Квириуса из Дара — основателя Ордена, когда они вдвоём подписывали Соглашение с догмами о пути жертвенности. После этого жизнь магов стала планомерно ухудшаться. До тех пор, пока не скатилась окончательно в Черную весну.

— Я не Таркос, — сказала я, поднимаясь. — Я не умею. Он меня этому не учил. И знаете что, я даже рада, что не учил. Желаю вашему внуку крепкого здоровья и хорошей семьи. С последним, кажется, придётся постараться.

Ирбис буравил меня взглядом. В нем не было злости, скорее ирония вперемешку с упрямством.

— Я бы на твоём месте так поспешно не отказывался. Подумай. Я зайду ещё раз. И кстати... — Я уже шла к выходу, но обернулась. — Видел на холме огромного косматого зверя с жёлтыми глазами. Твой? Такую псину надо держать на цепи. Если не справляешься, скажи, у меня есть знакомые из Ордена, которые специализируются на подобных проблемах.

Я хотела сказать ему многое. Например, не пошел бы он в свой Орден со своими проблемами. Но только покачала головой и вышла на улицу.

Здесь уже была ночь. Над крышами медленно проплывал ещё один вестр, теперь уже одиночный, тяжёлый, грузовой. Низко полетел. Может к дождю?

Его брюхо отсвечивало тусклым металлом, а двигатели гудели на низкой, утробной ноте.

Настроение, слегка поправленное после тарелки горячего мяса, испортилось окончательно и бесповоротно. И дураку понятно, что этот господин только что мне пригрозил своими связями, если я откажусь ему помочь. Я ищейка. Меня защищает клан. Но вряд ли проблемы с Орденом добавят мне положительных эмоций в этом мире.

А теперь я даже не знала, что расстроило меня сильнее: тот факт, что отец когда-то лишил неизвестную девушку её дара, или то, что я совершенно забыла забрать остатки еды с собой.

Как бы там ни было, я быстрым шагом направилась к тропинке, ведущей за город, в сторону холма и леса. Гул вестра ещё долго тянулся передо мной, постепенно растворяясь в темноте.

Берилл лежал на пороге дома. Его глаза ярко светились, а на морде застыло выражение высшей степени удовлетворения.

Берилла я призвала собственноручно, много лет назад. Технику подсмотрела у одного очень умелого колдуна, когда проникла в его сознание. Этот чудовищный талант вызывал у Таркоса злость и опасения... Но это другая история.

Выяснилось, что можно призвать себе компаньона — существа, которое будет помогать в обмен на скромную плату. Питомцы, надо сказать, в вопросах рациона выбирают себе блюдо по калорийнее. Например, кровь. Ничего личного,

просто гастрономические предпочтения.

Я соединила технику иномирного мага с ритуалом призыва элементаря — магия сложная, доступная высшим стихийным магам Мельхута. Таркос научил. Должно было получиться что-то временное, необычайно сильное. Однако, моя кровь внесла в процесс собственные коррективы, создание воплотилось окончательно и исчезать никуда не спешило: материализовалось и обрело симпатичную волчью плоть.

Отец тогда разозлился всерьёз за то, что я не проконтролировала воплощение и вообще допустила подобное безобразие. Впрочем, потом махнул рукой: дескать, если эта тварь начнёт привлекать к себе лишнее внимание или жрать людей, adeпты Ордена Седьмого Пути нагрянут и откусят головы обоим чудовищам разом — волку и мне.

Дома на столе меня ждал эфирник с тремя пропущенными. Вечно я забываю взять его с собой. С другой стороны, тяжёлая штука оттягивает карманы и имеет скверную привычку взрываться звонкой трелью в самый неподходящий момент. Не люблю.

Сонора ответила моментально, будто весь вечер просидела в ожидании.

— Хотела поговорить, — проговорила она без приветствия, быстро и деловито. — Но не дозвонилась. А потом решила, что лучше при встрече. Завтра зайду.

Короткие гудки.

Ну что ж. Подождём до утра.

Я окинула взглядом своё жилище при свете диодных ламп. Вдохнула и пошла искать пылесос. Шум от прибора Арья оценила по достоинству: в ужасе забралась на кровать и забилась между подушек, неодобрительно сверкая рубиновыми глазами.

— Не смотри так. Сама напросилась жить в приличном доме.

Глазищи моргнули. Аргумент засчитан не был.

Часом позже я была готова надеть пижаму и, как взрослый человек, по-человечески лечь спать. Эта затея провалилась примерно тогда же, когда возникла. Я не стала переодеваться, рухнула на кровать как была, в одежде и ботинках.

Поделом.

Себе я это объясняла просто: мне нужно «отвлечься», «переключиться», «использовать паузу, пока Сонора не принесёт остальное». Чужие сны — удобное место, чтобы не думать о собственных проблемах. И, между прочим, до её следующего визита новой информации по умирающим сновидцам всё равно не прибавится.

Но в эту ночь я не собиралась вынюхивать чудовищ.

Меня интересовало совсем другое.

Обострённые чувства — материнское наследство. Единственное, что она мне оставила, уходя, и единственное, от чего я при всём желании не могу отказаться так же легко, как она отказалась от меня. В пространстве сновидений и дальше, за чертой, я способна почуять свежий след мага. Тихо,

аккуратно, на мягких лапах проследить за ним и проникнуть в сознание.

Когда-то это было моим хобби. Правда отец не одобрял, называл «дурью» и обещал оборвать мне уши, если поймает. Не поймал. А ещё через несколько лет хобби незаметно перестало быть хобби.

Чтобы снять браслет ласок и уйти на свободу, я должна найти способ. Наша стихийная магия Мельхута здесь бесполезна. Браслет устойчив к ней. А раз так — нужна чужая. Иномирная. Та, под которую не подгоняли защиту.

Беда в том, что ни один уважающий себя иномирец не станет показывать боевые заклинания чужаку. Так не делают. У них там, в их собственных мирах, своих проблем хватает, и боевая магия — оружие, которым не делятся.

Остаётся подсматривать. Подбросить задачу и наблюдать, как будет выпутываться. Человек, прижатый к стенке, способен действовать на пределе своих возможностей, порой даже не подозревая, какие чудеса боевой магии может сотворить.

Методика выработалась не сразу. Первый раз я полезла в чужое сознание лет в шестнадцать и едва не сложила голову. Потом был долгий, муторный, полный совершенно отдельных историй путь к схеме, которая теперь у меня работает.

Первое правило — затаиться. Раньше, чем что-либо предпринимать, нужно изучить мага: послушать его, прочувствовать ритм, понять, кто перед тобой. Слабого трогать нельзя. Слабому колдуну достаточно одной серьёзной встряски,

чтобы что-то в нём поломать, а мне ни к чему чужие смерти на совести.

Второе правило — не лезть к сильным. Ошибёшься — придётся уносить ноги. Хорошее средство в таком случае прыгнуть несколько раз через кротовую нору, из мира в мир. После такого зигзага найти меня сможет разве что маг с особым даром. Охотник.

Охотник — это колдун, убивающий тварей бездны. И, что важнее, колдун, умеющий идти по чужому следу — хоть по миру, хоть по сновидению, хоть по тонкой ниточке чужой магии, оставленной на месте преступления. Таких во вселенной немного.

Способности охотника бывают врождёнными, а бывают приобретёнными. Хотя, честно говоря, мало кто в здравом уме добровольно полезет в этот набор: гонишься за чудовищами, рискуешь шкурой, убиваешь, и потихоньку наполняешься тёмной энергией тех, кого убил. Процесс затягивает. А дальше, как водится: рано или поздно встречаешь чудовище, которое тебе не по зубам. И на этом обычно всё.

Мне, к большому облегчению, настоящие охотники в жизни не попадались. Только чудовища. Чудовища — и я. Следы читать мы умеем отлично. Охотничий дар я, по всей видимости, получила в довесок от матери: если она существо из бездны — значит, хищница. А хищник, как ни крути, равно охотник.

И всё же к породе хтоней я себя не причисляю. Предпо-

читаю их умерщвлять.

Кроме способа с кротовой норой, есть у меня еще один прием — спрятаться в особом убежище. Его в свое время сделал для меня отец, чтобы прятаться от постоянно допекающих тварей. Кристалл, небольшой полупрозрачный круглый камень молочного цвета, с красивыми прожилками и переливами. Сжатое магическое пространство. Там можно переждать опасность и быстро восстановить силы. Один недостаток — воздух внутри настолько пропитан магией, что любая навязчивая мысль о человеке может превратиться в фантома.

Таким образом, основной принцип предельно прост — нужно выбрать цель, которая соотносится с собственными силами. Не больше и не меньше. Та еще задачка. Когда-нибудь мне попадется нужная информация. И я сниму браслет с себя и с Соноры.

Арья перебралась с подушки мне на грудь и принялась задумчиво топтаться лапами. Под её мягким, тёплым весом дышалось как-то совсем уж по-домашнему.

— Ты только не привыкай, — предупредила я её шёпотом, уже чувствуя соленый ветер на губах. — Я не из тех, к кому стоит привыкать.

Алый глаз приоткрылся ровно настолько, чтобы выразить всё, что Арья думала об этом заявлении.

Я сама не заметила, как долетела до Перекрёстка и уже

вовсю бродила по его коридорам. Берилла на охоту за секретами колдунов не беру никогда, он слишком заметный, выдаст наше присутствие моментально.

Следов в лабиринте сновидений не так чтобы очень много, нужно зайти подальше, чтобы наткнуться на что-нибудь путное. Но мне везёт. Если смотреть внутренним зрением, чуть смещая фокус в сторону, след человека наделенного магическими способностями начинает проявляться — тончайшие, едва уловимые нити, хаотично переплетённые между собой, словно кто-то навел беспорядок на столе у портнихи и небрежно спутал несколько клубков ниток лунного света. Чем ближе к колдуну, тем гуще они напутаны, тем больше крохотных искорок вспыхивает в полутьме. А ещё — запах. Аромат магических сил слегка будоражит: обычно это что-то свежее, с нотками весенней грозы, стриженной травы, мокрого камня и озона. Плюс особая, индивидуальная, неповторимая нота, присущая каждому отдельно взятому человеку.

Чудовище оставляет совсем иное. Там, где оно пролетело, оседают мелкие хлопья — крохотные песчинки с радужным отливом, едва заметные глазу. Ни нитей, ни искр. Как будто крокодил сунул морду в театральную гримёрку, опрокинул на себя баночки с блёстками, а потом с достоинством прополз по коридору, оставляя праздничную дорожку из глиттера. Следы безмолвные, но какие-то неприлично нарядные.

Ну и аромат, конечно. Ламия пахнет корицей. Аматы — кислыми яблоками. Ламашту — хлебной плесенью. Список

длинный, и я его неустанно пополняю новыми впечатлениями.

Охотничью науку я постигала исключительно на собственной шкуре, поначалу охотились на меня, потом охотиться стала я. Годами выискивала способы уничтожения прожорливых тварей, ошибалась, начинала снова. Некоторые принципы мне объяснял отец. Но охотой он никогда специально не занимался, он не видит следы. Только подсказывал, на какую тварь какая руна может сработать эффективнее. В итоге у меня сложилась некоторая система координат, вот только вряд ли она сможет помочь кому-то еще.

Тем временем мне действительно попался след. И был он не совсем обычный, если можно так сказать. Его мерцание сильно отличалось от типичных следов колдунов. Я осторожно шла приняхиваясь: тонкий едва уловимый запах терпкого горького шоколада и, что удивляет — кофейных зерен. За многие годы путешествий по мирам я встретила лишь одну реальность, где выращивают кофейные зерна. Помимо Мельхута, конечно.

След вилял, как перепуганный заяц, прыгал из одного сновидения в другое, петлял, уходил в стороны, и в какой-то момент вывел меня в пространство, не поддающееся описанию.

Оглядеться как следует я не успела. Меня закрутило, завертело и понесло куда-то в глубину. В безграничный хаос, в водоворот без верха и низа, без начала и конца. Сердце

ушло в пятки, мурашки бегали вдоль позвоночника, кончики пальцев онемели, перед глазами встала размытая непроницаемая дымка. Воздух был настолько пропитан магией, что она почти осязалась — тягучая, живая и бурлящая.

А потом меня с головой накрыла эйфория и восторг. Они обрушились с такой сокрушительной силой, что я захлебнулась.

Сначала пропали пальцы. Растворились, расплылись по краям, как чернила в воде. Потом руки. Потом — понимание того, что такое руки вообще. Граница между мной и этим местом начала таять, и я не могла понять, где заканчиваюсь я и где начинается оно. Мысли расплзались прежде, чем я успевала их поймать — текли сквозь то, что ещё несколько мгновений назад было мной, утекали в хаос, который гудел и пульсировал вокруг.

Кто я?

Вопрос сам по себе начал рассыпаться. Я знала, что задаю его, но не помнила, кому. Счастливая возбуждённая песчинка. Маленький речной камушек, которого подхватил водоворот бурной реки и понёс в неведомые дали — туда, где не было ни имён, ни памяти, ни границ. Хорошо быть камушком. Легко. Не нужно помнить, как тебя зовут. Не нужно вообще иметь имя.

Имя.

Что-то зацепилось. Словно тонкая, почти незаметная нитка, торчащая из ткани. Налирр. Слово мелькнуло где-то на

самом краю того, что ещё оставалось от меня, и я судорожно потянулась к нему, не понимая, что тяну. Налирр. Это было моим? Это я? Я уже почти не могла сказать. Бездна тянула в другую сторону, обещая, что без имени лучше, без формы — легче, без границ — бесконечно.

Кажется, прошла целая вечность. Или две. Время понятие растяжимое, и я уже забывала, что оно вообще что-то значит. Но я вдруг вспомнила. Болезненной яркой вспышкой, что камушком не являюсь. Я человеческое существо. У меня есть имя. Налирр. Оно держит меня, как кость держит плоть.

В этот момент, кажется, меня и выбросило за пределы этого места. И вот, я снова умею дышать.

Лежу. Пол холодный, почти обжигающий. Значит, у меня есть тело. Открываю глаза: тёмный мрак коридора, расцвеченный голубыми светящимися огоньками. Лабиринт Перекрёстка.

Смутное осознание произошедшего медленно просачивалось в мою пустую, звенящую голову. Что творилось в этом мире сновидения? Откуда столько магии, столько восторженного, эфемерного хаоса? Такого со мной ещё не случилось. Потерять себя. Забыться. Растаять, исчезнуть, как растворяется в тумане одинокий огонёк свечи. Возможно, я сунула нос куда не следует. Через сон колдуна окунулась в первородную материю.

Когда-то отец рассказывал мне о колдунах-ткачах — существах, чьи способности превышают границы объяснимо-

го. Хаос. Именно там их родная стихия. Этим магам подвластно всё, что ещё не обрело форму, всё, что зыбко и неоформленно, как дым на ветру. Они погружаются в эту бездну и существуют там словно рыбы в воде: свободно, без усилий, не замечая того, что для любого другого существа стало бы гибелью. Прочим же в это место соваться не стоит, там нет ни опоры, ни ориентира, и чужой разум попросту растворяется в нём, теряя очертания, как теряет их отражение в потревоженной воде.

Ткачи — настолько редкие птицы во Вселенной, что являются скорее легендой, чем реальностью. Обычно они умирают еще в раннем возрасте: не успевают совладать со своей стихией. А те немногие, кому это удаётся, неизбежно сталкиваются с толпами паразитов и чудовищ. Слишком яркий свет их силы притягивает голодных тварей словно фонарь ночных бабочек.

Кажется, я случайно наткнулась на такой самоцвет.

Поборов дрожь в коленях, я поднялась и направилась туда, где впервые заметила след ткача. Только бы не потерять его, эту драгоценность, этот случайный подарок судьбы. Меня разрывали надвое чувства. Страх — живой, телесный: не хотелось снова попасть в первородный хаос, ещё не факт, что второй раз удастся устоять и не раствориться. И любопытство. Жгучее, неуправляемое, почти детское — ему невозможно сопротивляться, сколько ни пытайся. Мне хотелось посмотреть на этого колдуна. Какой он? Какая у него магия?

Что если именно он поможет мне обрести свободу от ласок?

Я нашла след и, почти не раздумывая, бросилась по нему снова. Но на этот раз не нырнула в его сон с головой, а лишь осторожно высунула нос.

Того безумного места больше не было. Материя полностью переменилась. Теперь передо мной расстился пустынный пляж: лазурные волны лениво и нежно щекотали берег с мягким жёлтым песком.

Вдоль кромки моря тянулась цепочка самых обычных человеческих следов: здесь прошли двое. Я немного приободрилась, вслед за носом протолкнула в эту реальность всю себя, но сделалась маленькой. Очень маленькой. Теперь я и впрямь была песчинкой, только не по воле магического водоворота в хаосе, уносящего меня прочь, а по собственному желанию: растворилась в воздухе чужого сновидения, чтобы остаться незамеченной.

Следы на песке уходили вдаль, петляли вдоль берега, огибали редкие валуны, выброшенные штормом на сушу. Судя по всему — двое мужчин, идут рядом, неспешно, никуда не торопятся.

Лёгким ветерком песчинка, в которую я обратилась, полетела вперёд. Мне хотелось взглянуть на обитателей этого места.

Пейзаж менялся постепенно, почти незаметно: на береговой линии начали проступать низкие жёлто-оранжевые кустарники. Наконец вдалеке действительно показали лю-

ди. Ни рогов, ни крыльев — никаких неожиданностей. Они остановились и о чём-то оживлённо говорили. Я рискнула подобраться ближе, замерла, нырнула в песок шагах в тридцати. Незаметная песчинка среди тысяч таких же.

Первый мужчина среднего роста, крепко сбитый; судя по всему, это и был он — колдун-ткач. Второй — высокий. Оба одеты по моде какой-то незнакомой мне страны, точнее, своего собственного мира: балахонистые одеяния из дорогих тканей, перехваченные поясами, и плащи-мантии, ниспадающие мягкими складками; плащи прихвачены двумя фибулами на плечах. Головы обоих покрыты тканью, завязанной на манер моряцкого платка, но со свободными концами куда длиннее привычного: ткань струится на плечо и спадает по спине.

Ткач был в тёмно-зелёном. Из-под узорчатого платка того же цвета небрежно выбивались тёмные волосы. Тонкие черты лица, живая мимика, почти не сходящая с губ улыбка, и руки в непрерывном движении: он жестикулировал так, словно слова сами по себе казались ему недостаточными. Чувствовался человек жизнерадостный, порывистый, может быть слегка холеричный. Я с головой ушла в изучение магии, которая от него исходила. Она была настолько другой, что я не могла определить ее в какую-либо категорию. Не находила слов. Он не вписывался ни в одну из рамок, которые у меня были.

Потом я посмотрела на его спутника. Этот напротив был

уравновешен и сосредоточен. В его движениях и самой позе читалась сила: никаких лишних действий, только спокойствие. Одежда в темных тонах; по спине черного плаща пущен сложный серебристый узор, колющий, как терновник. Тёмный платок со свободными концами почти до пояса, заметно длиннее, чем у ткача, светлые волосы в хвосте, красивое лицо с хищным профилем, возраст неуловим. Серые глаза, взгляд острый, читающий насквозь, но в тоже время, дружелюбный. Сейчас он явно наставлял собеседника — мягко, с едва уловимой снисходительностью. Губы тронуты лёгкой улыбкой. Слов было не разобрать.

И вот тут я наконец почувствовала его магию.

Если ткач источал в мир силу радостную, сумасшедшую, приносил хаос и эйфорию, то от второго исходила угроза: холодная, спокойная, как от зверя, который пока не голоден. Мурашки по коже. Этот в два счёта учует незваную гостью и оторвет голову. И сожрёт.

Непреодолимое желание убраться отсюда — вот прямо сейчас, быстро, очень быстро — накрыло с головой. Мгновение, и я вылетела в коридор Перекрёстка, уже привыкшего к моим выходкам. На этот раз пятая точка, кажется, даже не почувствовала удара о пол, под ней обнаружилось что-то мягкое. Внимательный Перекрёсток. Заботливый. Спасибо ему.

Немного отдышавшись, я решила: вот теперь точно хватит.

Давно я не выпрыгивала из чужого сна с такой прытью. Обычно, становясь на след мага, я хотя бы приблизительно успеваю оценить интенсивность его сил и заранее прикинуть, стоит ли вообще приближаться. Могущественный колдун — потенциально болезненные неприятности. Но сегодня я совсем одурела. Так увлеклась легендой, что не удосужилась как следует присмотреться к его спутнику.

Впрочем, кажется, меня не заметили. Нет. Я уверена в этом. Чутьё редко подводит, и сейчас я отчётливо чувствую: угрозы больше нет.

Я отряхнула невидимую пыль со штанов и пошла пешком через лабиринт. Мимо то и дело мелькали тонкие, едва уловимые следы сновидящих и магов; кое-где поблёскивал старый след с блестками. Но не сегодня. Мне нужно вернуться к утру в Мир. Там меня будет ждать Сонора с информацией. Всё остальное потом.

Время — сложный элемент, но в сновидении я кое-как умею с ним договариваться. В бою, например, его можно отмотать на несколько ударов сердца назад, как будто берёшь старую кассету с музыкой, просовываешь в отверстие карандаш и делаешь пару оборотов. Именно так когда-то перематывали плёнку. Во сне это можно повторять сколько угодно раз, до тех пор, пока не успеешь сделать то, что нужно. В реальных мирах фокус удастся не всегда. На Мельхуте — никогда.

Впрочем, используя я этот метод редко, предпочитаю не допускать фатальных ошибок, которые нужно «отматывать».

Ну а сейчас, чтобы выбраться из Перекрёстка и вернуться в нужное время, я представляю часы, висящие у меня над кроватью. Электронный дисплей по замыслу своего творца исправно показывает дату и время. Идеальный якорь для тех, кому нельзя опаздывать. Этот секрет я подсмотрела у одного сильного мага в серебристых одеждах, которые в их мире называют смешным словом «лоохи». Он многое знает про время, я была настолько потрясена его тайнами, что возвращалась несколько раз. В конце концов он меня заметил. Удирала я от него долго. И очень быстро.

Глава 4. Поездка в Вербницу

Сюрприз — сюрприз!

Неожиданность первая: Сонора уже была у меня дома. Неожиданность вторая: с кухни доносился головокружительный аромат жареной яичницы. Святые единороги, храните эту баку. Кажется, я начинаю понимать, почему мужчины так рвутся найти себе жену. Обзавестись бы собственной, которая кормила бы, прибирала, ждала бы из далёких миров с пирожками и...

Что-то я увлеклась. Никому бы не пожелала такой доли — жить вечно ждущей чьей-то женой. Ждать мужа с работы, ждать праздника, ждать лучшей жизни. Терпеть не могу ждать. Праздник надо устраивать себе самостоятельно, попутно втягивая туда окружающих, если таковые желающие найдутся. Никогда не позволю кому-либо ограничить мою свободу. Хотя, похоже, все-таки позволила. Браслет на левой руке недвусмысленно намекает об этом регулярно.

Я сняла куртку, и с неё посыпался песок. Странно, обычно я не цепляю на себя осколки чужих сновидений. Впрочем, это же был сон ткача, нечего удивляться.

У плиты орудовала Сонора. Кухня сияла чистотой. Бетон развалился на полу, занимая своей мохнатой тушей большую часть пространства. Его хвост с остервенением грызла Арья, защищая свое пузо от вымышленных врагов

задними лапами.

— И ты не побоялась войти в дом? — проговорила я, со-
зержая умиротворяющую картину.

Сонора усмехнулась и вручила мне тарелку с яичницей.

— Берилл сам меня впустил. Он умный волк.

Я только покачала головой и уселась за стол. Сонора раз-
лила по чашкам кофе и тоже принялась завтракать.

— Вчера вечером я говорила с коллегами, — сказала она,
быстро расправляясь со своей порцией. — Сейчас известно
о девяти смертях людей без нити — тех, кто обращался за
помощью в Вербнице. Тех, кто, можно сказать, умер на руках
у баку.

Сонора помедлила, собираясь с мыслями.

— Ничего необычного в снах жертв не было. Баку рабо-
тали в обычном режиме, ставили щиты от кошмаров. Если
там и были какие-то чудовища, то их вытеснило, якоря рас-
творились. А потом — всё.

Она сосредоточенно помешивала сахар в кофейной круж-
ке, как будто ответ мог всплыть на поверхность, если мешать
достаточно долго.

— Я хочу попросить тебя поехать со мной в столицу, —
наконец произнесла Сонора. — Я понимаю, что у тебя дру-
гой профиль. Вряд ли ласки будут рады, если узнают, что их
ищейка помогает орденом баку. Но все-таки...

— А что говорит ваше начальство?

— Ничего. Они слишком заняты внутренними проблема-

ми. Верхушка готовится к выборам нового Великого магистра. Ауксилиуминиты теряют свои позиции, назревает раскол. Ты скорее всего не знаешь всей кухни, но последние лет десять в совете Ордена укрепляется оппозиция — партия «Скованные ветром». Ее поддерживают несколько сильных домов Вербницы. Ходят слухи, что кланы тоже финансово вкладываются.

Сонора пригубила свой напиток, убрала со лба выбившийся кудрявый локон из хвоста.

— Старый магистр Хоррис слишком непрогибаемый, если пост займет ставленник скованных, баку получают больше прав. Но пока Орден занят политикой, сновидцы гибнут. Если бы ты согласилась помочь... В Вербнице ведь много людей, значит в ближайшее время кто-нибудь обязательно снова обратится за помощью. Тогда мы могли бы пойти вместе.

Девушка отставила чашку и с надеждой ждала моего ответа. Арья перестала мучить волчий хвост, забралась зверю на шею и нелепо кувыркнулась вниз головой. Берилл тяжело вздохнул.

Большие города я не люблю. Суэта, грязь, слишком много людей на единицу площади и ровно столько же неприятностей. Вдобавок добираться придётся человеческими путями — Сонора не сможет пройти через кротовую нору вместе с телом, браслет не пустит. И всё же столица — самый логичный ход. Поехать, дожидаться, кого зацепит следующим, и встать на след, пока человек ещё дышит.

— Ладно. — Я поднялась из-за стола и собрала тарелки.
— Раз уж ввязалась, выходить из игры на этом этапе было бы непрофессионально. Едем сейчас.

Сонора коротко выдохнула. Надо же, всерьёз боялась, что я откажу?

— Берилла придётся оставить дома. — Я потрепала компаньона за холку. От меня зверь стерпит и не такое вольное обращение. — Справишься, красавчик?

«Хозяйка говорит — дома. Значит, дома», — прокатился рык у меня в голове.

— Только без самодеятельности. Захочешь есть, сходи в соседний мир, поохоться. И присмотри за Арьей, ладно?

Берилл зевнул, обнажив набор острых клыков. Я махнула рукой. Кормушка для Арьи была заряжена. Надеюсь, справятся.

На сборы ушло минут тридцать. Дольше всего расчесаться и заплести косу. Она у меня доросла уже до поясницы, стригусь я крайне редко и неохотно. Есть поверье, что вместе с волосами уходит часть внутренней силы. Суеверие, разумеется. Правда это или нет, я не проверяла, но предпочитаю не экспериментировать с внутренними резервами.

В небольшую кожаную сумку через плечо отправились эфирник с зарядным кристаллом и кошель. Тонкая металлическая пластинка — электронный проездной для поездов и электричек. А также локальный хаос из мелких предметов неизвестного происхождения. Периодически оттуда всплы-

вали вещи, которые я не покупала. Возможно, размножаются почкованием.

Я переоделась в свежее, заново зашнуровала ботинки, накинула куртку. Перевяжь с клинком за спину, кинжал к поясу. Подкрасила губы вишнёвой помадой — маленькие ритуалы хорошо поднимают настроение.

Готова.

Сонора тоже настроена решительно, рюкзак у неё был собран заранее. Добираясь ко мне, она, судя по всему, предусмотрительно подготовилась к поездке — со мной или без меня, баку твёрдо решила ехать в город.

Мы рысцой сбежали с горы и добрались до остановки. Здесь ходил рейсовый трейбер — древнее скрипучее сооружение из металла, стонущее на каждом повороте, с жёсткими сиденьями и намертво въевшимся запахом бензина. В провинции до сих пор бегают топливные чудовища, без всяких магнитных подушек и сенсорных панелей. В столице на них уже косятся, как на музейные экспонаты. А здесь — рабочая лошадка.

Заплатили пожилому водителю и устроились на свободных местах. Трейбер был полупуст. Рычаг повернулся, машина завелась с жалобным визгом, и мы тронулись.

За окном разворачивалась весна. Цветущие деревья, приземистые домики с коричневыми черепичными крышами. Дорога вилась между холмами, и справа, то и дело, показывался просвет, за которым открывалось безмятежно синее

море.

Постепенно природа уступала место центру города. Трейбер наполнялся людьми. Вдоль дороги появлялось все больше столбов эфира — узкие шесты с кристаллическими узлами на верхушках, тихо мерцающими янтарным светом. Чем ближе к Вербнице, тем плотнее шла сеть: уже не отдельные шесты, а целые гирлянды узлов, переплетённых медными жгутами вдоль дороги. Какая-то дама в старом чёрном пальто ненароком водрузила мне на колени сумку, но потом отшатнулась и отступила вглубь трейбера. Не думаю, что она отдавала себе отчет о причинах такого поведения. Но мне не привыкать.

Мне было девять.

Я бежала по улице Майской Революции в сторону центральной площади Коростени, и каждый шаг отдавался в плече тупой, дёргающей болью. Левый глаз заплыл, и мир с этой стороны превратился в мутное розоватое пятно. Если опоздаю — настоятельница Сенцу с удовольствием вклеит мне незачёт по истории Революции, формальный повод у неё будет, а большего ей и не требовалось никогда.

Накануне вечером мальчишки подкараулили меня в двух кварталах от академии. Накинули на голову мешок и отпинали. На мне всё заживает как на собаке, но семи часов сна на восстановление не хватило даже моему странному организму, и теперь я бежала, прижимая локоть к рёбрам, и счи-

тала шаги, стараясь не замечать боли.

На нашем потоке училось около тридцати детей. Большинство меня просто не замечали. И только несколько забияк жизнь мне портили регулярно.

На площадь я успела как раз к тому моменту, когда настоятельница начала вступительное слово. За ее тощей и высокой фигурой на постаменте возвышались отлитые в бронзе герои нашей эпохи. Великий инквизитор и Великий магистр Даниэль де Тур, преемник Основателя Ордена, в строгом фраке и при сабле у пояса. Рядом, в орденском балахоне, со свитком в руке, комиссар Гуррикап, глава Наблюдательного комитета по вопросам сохранения целостности явного и неявного мира при Народном Конвенте. Длинное название должности было выбито у подножия мелкими буквами. Думаю, чем длиннее у человека титул, тем меньше у него совести.

— Энзу Суэн. Ты пропустила половину урока. — Голос настоятельница летел над площадью ровно и равнодушно. — Если ты рассчитываешь, что я тебе его зачту, ты ошибаешься.

Её взгляд скользнул по моему лицу, по заплывшему глазу, по ссадине на скуле, и не задержался. Она прекрасно знала, кто меня травит. Знала и не делала с задирами ничего. У неё были на это, я полагаю, свои педагогические соображения.

Я молча пожала плечами. В академии были хорошие учителя — те, кто хотя бы пытался относиться ко мне без пред-

взятости. С настоятельницей мне не повезло.

Дети слушали доклад смирно. Про героев, которые продолжили политику предшественников по защите добрых людей от скверны хаоса. Они открывали глаза слепому народу на то, что маги — это грязные бродяги, опасные, неуправляемые, сумасшедшие. Слова сыпались из уст настоятельницы, как мелкая щебёнка, и оседали в детских головах ровным слоем. В таком тоне прошёл весь остаток урока.

Когда госпожа Сенцу наконец отпустила нас, дети начали растекаться по площади.

— Эй! — раздался у меня за спиной звонкий смешливый голос. — Идём с нами за мороженым, бродяга проклятая?

Я обернулась.

Мая стояла, картинно подбоченившись, и щурилась от удовольствия. Ее подруга Лисанна прыснула ей в плечо:

— Аматы тебя дери, Мая, она же не бродяга, она баку. Ты что, не слушала? Она рабыня Ордена и должна замаливать перед нами свои грехи. А не есть мороженное.

У меня на руке действительно был браслет. Поддельный, созданный Таркосом специально, чтобы поддерживать мою легенду. Как иронично получилось, что фальшивый браслет потом сменился на настоящий.

Девочка тем временем повернулась ко мне.

— Давай-ка, встань на колени и начинай замаливать.

Через мгновение к девицам присоединились несколько особей мужского пола, видимо из тех, кто вчера накинуд на

меня мешок.

— Что стоишь, не слышала Лисанну? — рыжий мальчик с вздернутым веснушчатым носом толкнул меня в плечо. Толчок отозвался острой болью. — Быстрее, а то протащим лицом по площади, и мамка тебя не узнает. А может у тебя и мамки то нет?

Именно в этот момент внутри меня что-то проснулось. Впервые я ощутила присутствие моего второго «я».

В ту секунду на площади Коростени, под бронзовым взглядом Великого инквизитора, во мне впервые подняла голову демоница.

Цвета вокруг приобрели болезненную резкость. Запахи стали другими. Я почувствовала вкус железа на языке. Увидела как отчетливо пульсирует жилка под тонкой кожей у Май на шее.

Я ничего не сделала. Я даже, кажется, не двинулась с места, просто смотрела.

Мая отшатнулась первая. Я вдруг услышала, как запахло страхом — чем то кислым, с горчинкой. В глазах рыжего мальчика мелькнула тень, а затем они расширились. Я отчетливо слышала как быстро забились сердца людей вокруг. Лисанна схватила Маю за рукав и потянула прочь, бормоча что-то про мороженое, про маму, про то, что они опаздывают. Через мгновения вокруг меня уже не было ни души.

Домой я шла молча.

Тельвин открыла мне дверь, посмотрела один раз и боль-

ше ни о чём не спрашивала. Просто притянула к себе. Я уткнулась ей в плечо и наконец позволила себе расклеиться. Я ревела, и вздрагивала, и говорила что-то совершенно бессвязное, а Тельвин гладила меня по спине и шептала на ухо что-то тихое и нежное. Под этот тембр я и уснула. И проспала полтора суток подряд обычным человеческим сном, никуда не проваливаясь, ни в какие иные пространства.

После того дня меня перестали задирать.

В среднюю академию я перешла уже другой. Спокойной и уравновешенной. На потоке стало чуть больше людей, и среди них появилась ещё одна носительница браслета. Настоящего. К ней уже относились иначе, чем ко мне. Не трогали.

Первые недели она за мной наблюдала. Я ловила её внимательный взгляд краем глаза и делала вид, что не замечаю. А потом, на одной из больших перемен, она подошла сама.

Кудряшки, веснушки, прямой взгляд, смело протянутая рука.

— Сонора Вельфи.

Я смотрела на её руку, наверное, целую секунду. Никто до этого со мной не знакомился подобным образом.

— Налирр Энзу Суэн, — сказала я наконец и крепко сжала её ладонь. Сильнее, чем нужно было. Сонора не поморщилась. Она улыбнулась.

Наконец наш многострадальный топливный трейбер въехал на конечную станцию — большое бетонное сооружение с

заборами-решётками и бравыми охранниками у каждой щели. Они стояли у входов, выходов и, кажется, даже у окон. Над крышей терминала разворачивалась мерцающая проекция расписания, буквы плыли в воздухе. Запахло цивилизацией — бензином, выхлопными газами, резиной, мазутом и чем-то ещё, синтетическим, без названия.

Выбравшись из транспорта, мы направились к главному входу, а затем двинулись к железнодорожным кассам. Огромный тип в форменной чёрной одежде с бронежилетом, оранжевыми погонями и шлемом с глухим прозрачным забралом, с коротким лучевым жгутом на плече и тонким коммуникатором на запястье, проскользил по мне цепким взглядом. А затем переключился на других людей. Две худенькие девушки — не самые опасные персоны в округе, даже если у одной из них рукоять меча торчит над плечом. Внимание охранника привлёк какой-то горец в тёмно-зелёном костюме, с военными ботинками, большим баулом, нестриженный и бородатый.

Через пять минут мы погрузились в электричку, и я сделала то, о чём втайне мечтала последние дни, — просто-напросто уснула. Без снов. Глухо, по-человечески.

В последнее время я мало спала и пила много кофе. Говорят, от такого образа жизни портится цвет лица. Что именно у меня там портится судить не берусь, цвет как цвет. Слегка бледноватый. Но, во-первых, замуж я выходить не собиралась, так что о лице можно не беспокоиться, а во-вторых,

оттенков отлично контрастирует с волосами.

Спала я, надо признать, самозабвенно. А потом электричка встала.

Состав замер, не доехав до Вербницы каких-то несколько миль. За окном тянулись пригородные пакгаузы, серые бетонные коробки, опутанные кабелями энергожил толщиной с мою руку. Над дальними путями плыли проекции диспетчерских меток — оранжевые ромбы, медленно вращавшиеся в воздухе. Что-то прошипело в динамике под потолком, голос диспетчера прорвался сквозь треск:

«...задержка по техническим причинам... просим оставаться на местах... ориентировочное время простоя — двадцать минут...»

— Ну вот, приехали, — пробормотала я и прислонилась лбом к окну.

Сонора закатила глаза и уткнулась в экран эфирника. А я смотрела.

На соседнем пути стоял длинный рельсовый транспортник с плоскими бронированными платформами. По бокам платформ полыхали жёлтые предупреждающие огни. И на каждую из них, медленно и тяжело, поднимались костоходы.

Тяжёлые, четырёхногие, с приземистыми корпусами и поворотными башнями, на которых отчётливо угадывались жерла спаренных лучемётов. Лапы сочленённые, угловатые, с резко выступающими «коленями», вывернутыми назад, как у птицы или хищного ящера. Длинные «голени» сужа-

лись книзу и заканчивались тремя растопыренными опорами-пальцами. Бронепластины сидели на этих лапах внахлёст, точно сегменты панциря, и в просветах между ними угадывались тёмные тяги и тросы — сухожилия из стали.

На сером бронекорпусе ближайшего был выведен полустёртый герб: воронье крыло и скрещённые молнии. Армейский.

Я насчитала семь машин. Они поднимались на платформы, медленно разворачивались и опускались, поджимая лапы под брюхо. Над каждой башней мигал тонкий маячок, передающий код на узел эфира у диспетчерской вышки. Техники в оранжевых жилетах сутились внизу, цепляли к корпусам толстые крепёжные тросы, что-то выкрикивали в свои коммуникаторы. Один из них пробежал прямо под поднятой лапой костохода — даже не пригнулся. Привык.

Куда их везут — я знала. На север, на фронт. На войну с Коррумом, которая тлела, а иногда и полыхала уже около полувека.

Через двадцать пять минут электричка тронулась. Транспортник остался позади, медленно набирая скорость в обратном направлении.

Мы вышли в город через контрольные пункты. Здесь нас проверили куда тщательнее: сканер прошёлся от макушки до пяток, просвечивая одежду и вещи. Искали нелегальное лазерное оружие и ручные камертоны, запрещенные среди гражданских. Узлы над турникетом мигнули зелёным, и кто-

то невидимый отметил наш приезд в своих реестрах. Впрочем, не найдя повода придраться, нас быстро отпустили.

По дороге завернули в местную харчевню, взяли на вынос горячие напитки и внушительных размеров бутерброды.

— Сразу едем в гости к Филу, — сообщила Сонора, растёгивая пуговицы жакета. Сегодня в столице было тепло, несмотря на то что время шло к вечеру. — У него есть свободная комната, там и переночуем.

— Это твой бывший парень? — улыбнулась я.

Помню, был какой-то скандал. Нора училась в школе баку при Ордене, уже после выпуска из Академии. Приезжала на каникулы в Коростень злая и колючая.

— Он самый, — Сонора уверенно вела меня по оживлённой улице вдоль дороги.

Мимо проносились магнитные трейберы — стальные машины обтекаемых форм, скользившие в полуметре над полотном. Они шли почти бесшумно, только воздух вокруг дрожал, и от каждого тянулся короткий шлейф потревоженного света. Трасса отделялась от пешеходной части бортиками и клумбами. Вдоль дороги цвели высокие каштаны — единственная живая деталь, которую город ещё не успел поглотить. Переходы на другую сторону уходили под землю, в коридоры с лотками и ларьками, залитые холодноватым голубым светом диодов. По бокам улицы возвышались постройки разной высоты, почти все с тёмными зеркальными фасадами, по которым медленно текли рекламные про-

екции: товары, лица, цены, снова лица. Узлы эфира висели гроздьями на каждом перекрёстке, перемигивались между собой, передавая по воздуху тонны чьих-то разговоров, переводов, тайн.

— Когда-то у нас с ним был роман. А потом я случайно заглянула к нему в сон и увидела обрывки свежих воспоминаний. Обжимался с нашей общей знакомой баку.

Она сделала паузу.

— Был у нас серьёзный разговор. Он злился, что я без спроса залезла в его сон. Я злилась, что он изменял мне с этой белобрысой стервой. Дело житейское, разругались и разошлись.

— Но в итоге мы едем именно к нему. Помирились?

— Ну, сколько лет прошло, — Сонора чуть помолчала.

— К тому же у него отличная задница. Жаль было терять из виду.

Я подавилась смехом.

— Да, это весомый аргумент в пользу примирения.

— Ещё какой, — она совершенно серьёзно кивнула. — Вообще, я тебе скажу: при выборе мужчины на задницу нужно смотреть в первую очередь. Лицо со временем меняется, характер усугубляется. А хорошая задница — это константа.

— Звучит как жизненная философия.

— Это и есть жизненная философия, — Сонора подняла палец. — Записывай. Пункт первый: задница. Пункт второй — руки. Мужчина с красивыми руками автоматически по-

лучает кредит доверия. Не знаю почему. Это иррационально, но это работает.

— Ладно, — сказала я. — Ещё?

— Голос. Если голос низкий и при этом он не бубнит себе под нос, как дед на завалинке, — уже половина дела сделана.

Мы переглянулись и заржали самым откровенным образом, как в былые студенческие времена.

— Прекрасная система оценки, — сказала я сквозь смех.

— Научный подход, — согласилась Сонора, с трудом сохраняя серьёзный вид. — Кроме того, у него много полезных связей в Вербнице и в Подвербье. Полезный человек в нашем деле. К тому же, его тоже беспокоит эта история со смертями. Собственно, он первый ко мне и обратился — интересовался, как дела в провинции.

— То есть задница — это уже бонус сверху, — уточнила я.

— Приятное к полезному, — кивнула Сонора.

— Вообще-то, — сказала я, подняв руку, — мы забыли нечто важное.

— Да? — Сонора вопросительно изогнула бровь.

— Чувство юмора. Сразу после задницы. Это обязательный пункт.

Сонора замерла на секунду, потом медленно кивнула.

— Ты права. Грубая ошибка с моей стороны, — она выпрямилась и сделала глоток кофе. — Итак, исправленная редакция: пункт первый — задница. Пункт полтора — чувство юмора. Пункт второй — руки.

— Пункт полтора? — удивлённо переспросила я.

— Ну не могу же я его на второе место ставить, там руки. Но и перед задницей он не стоит, это очевидно. Значит, полтора. Это математически корректно.

— Это математически безумно.

— В этом и есть его прелесть, — невозмутимо ответила Сонора. — Я согласна, что мужчина без чувства юмора с красивой задницей — это просто красивая статуя. Любоваться можно, жить рядом невозможно.

— Философски, — оценила я.

— Я вообще очень глубокий человек, ты же знаешь, — согласилась она и откусила кусок от бутерброда.

Мы сели на городскую электричку и ехали ещё около получаса.

За окном постепенно темнело, и город переключался на ночной режим. Сейчас наша задача была простой — побыстрее оказаться под крышей красавчика Филя. В Вербнице комендантский час. Нечего добрым людям шататься в темноте. И недобрым тоже.

Вскоре мы добрались.

Над нами возвышалась одна из многих неразличимых стекляшек — таких в городе целые кварталы. Красивая и холодная снаружи и абсолютно угрюмая внутри. Человейник.

В вестибюле за столиком сидела грузная женщина в форме — комендантша. Она не слишком вежливо поинтересовалась, к кому нас аматы принесли, сделала пометку в элек-

тронном журнале на мерцающей голубоватым светом панели и кивнула, буркнув себе под нос что-то неразличимое. Чистый лифт с красными бархатными панелями и зеркалом во всю стену встретил нас тёмным зевом распахнутых дверей. Лампочка под потолком мигала.

Приехали. Сонора подошла к двери с цифрами 578 и нажала на кнопку.

Открыл высокий обаятельный, немного нескладный темноволосый парень, лохматый, как будто проспал полдня и только что встал с кровати. Улыбнулся обезоруживающе, почесал нос и жестом пригласил внутрь.

— Я Фил, — он по-свойски протянул мне свою правую руку для рукопожатия. По-мужски. Я вложила ему свою левую руку. На женский манер. От него пахло ромашкой и совсем немного абрикосами.

— Налирр.

В квартире было просто и со вкусом. Столичные жители давно научились жить скромно. Время непростое, лишние сбережения лучше вложить в дело, ну или в крайнем случае потратить на кофе с шоколадом. Это приятно и не то чтобы совсем бесполезно.

— Как добрались? — Фил потянулся к холодильнику и извлёк бутылку вина. Сонора неуверенно покачала головой, но парень сделал вид, что не заметил. Достал три стакана, разлил понемногу и всучил нам в руки. — Да ладно тебе, не кипишуй. По паре глотков за встречу, и сразу работать.

Сонора вопросительно посмотрела на своего бывшего:

— В смысле — уже? И ты молчал?

— Почему молчал. Вот, говорю. Принесли буквально за пятнадцать минут до вашего прибытия, так что расслабься, — он повернулся ко мне и окинул взглядом — любопытным, чуть бесцеремонным. — Готова?

Я кивнула. Что ещё скажешь.

Пригубила кисло-сладкое вино. Один небольшой глоток, не больше. Алкоголь притупляет нюх. В других обстоятельствах он даже неплохой помощник — развязывает руки, убирает зажимы в сновидениях. Но не в охоте.

— Ну что, девчонки, постель нас ждёт. Развлечёмся? — Фил ухмыльнулся и хитро мне подмигнул.

Сонора в ответ отвесила ему пару дружеских подзатыльников и добавила коленом под зад. Она была угрюмой и сосредоточенной. Фил только расхохотался. Не скажешь, что его хоть сколько-нибудь беспокоят больные сновидцы. Абсолютно.

Тем временем парень провёл нас в зал с диванчиком, журнальным столиком, большой чёрной инфопанелью эфира на стене. Прямой клинок длиной с локоть в простых кожаных ножнах поселился прямо возле клавиатуры на столе.

Расстелив на полу одеяло, мы втроём улеглись на него сверху. Фил устроился между нами. В его руке зацеп — ярко-оранжевая надкусанная морковка. Что?!

— Даже не спрашивайте, — Фил почувствовал мой во-

просительный взгляд. — Что принесли, то принесли, — он сунул корнеплод под мышку, затем взял нас за руки и закрыл глаза.

Ощущение, когда тебя увлакивают в чужое пространство сновидений, совершенно особенное. Как будто подхватывает течение, медленно, неотвратно несёт на глубину, и ты не сопротивляешься, просто отдаёшься направлению. Сегодня Фил руководит процессом. Мы пройдем через его перекрёсток — он держит зацеп и сам проведёт нас в сон жертвы.

Перекрёсток Фила оказался похож на вокзал. Такой же несуразный, но обаятельный. Тени мелькали мимо нас, не задерживаясь. Казалось, мы глубоко под землёй, точно в метро. Пути и развилки уходили в разные стороны, и фонарного света едва хватало, чтобы не пропустить нужный поворот. Постепенно темноту начали прорезать светящиеся окошки разных форм и размеров, они множились по сторонам, пока мы не вышли в лабиринт сновидений. Фил уверенно вёл нас вперед, не колеблясь ни на секунду.

Наконец — нужное окно. Совсем небольшое. Оно расширилось перед нами точно резиновое. Заходим в мир чужого сновидения.

Здесь было холодно и ветрено. Мы появились на побережье неизвестного моря — скалистый крутой берег, серый песок, тяжёлый запах воды. Я начертила Фэх — руну призыва. Сзади на песке слышались мягкие шаги. Берилл явил-

ся в боевом обличье — без седла, зато с острыми клыками. Фил с опасением посмотрел на волка, но оставил комментарии при себе. Зашагал вдоль берега, по узкой полосе между морской пеной и гранитными скалами. Ветер трепал его темные волосы. Руки слегка светились.

В этом сновидении запах был какой-то непривычный, особенный. Лёгкий аромат бергамота — значит химера. И что-то ещё, неуловимое, ускользающее. Я внимательно осматривала окрестности, то и дело переключая взгляд на периферию — внутреннее зрение здесь важнее прямого.

Со временем бергамот проявился ярче, сделался насыщеннее. Скалы расступились, и Фил повёл нас наверх по тропе, вглубь побережья, прочь от моря.

Якорь он заметил первым. Чёрная стела, воткнутая в землю.

— Я займусь этим, — сказал Фил. — А вы осмотрите окрестности.

Он подошёл вплотную к чёрному изваянию, протянул руки, и они начали разгораться. Ясный, режущий голубоватый свет разлился по ладоням, пополз выше, перекинулся на всё тело. Фил стал похож на огромный слепящий фонарь, выжигающий мрак.

Я посмотрела на Сонору и заметила у неё слабые отблески того же света.

Мы обошли якорь и двинулись дальше. Берилл явно чувствовал себя неудобно — я и сама чувствовала. Свет меня

задевал, слегка обжигал, слепил. Видимо, сказывалась моя нечеловеческая половина — та самая сущность внутри, которой этот свет был попросту враждебен. Похоже так себя и ощущают паразиты, когда их изгоняют баку, только в моем случае это было в самой малой мере, на минимуме. Неприятно, но терпимо.

За стелой начиналось хаотичное нагромождение камней и невысоких скал. Мы прочёсывали местность. Сонора светила сильнее, мне становилось ощутимо дискомфортно.

Запах бергамота загустел. Мы вышли на небольшой расчищенный участок. В свете Соноры радужная россыпь блестящей пыли на земле переливалась отчётливо и ярко — чудовище здесь наследило. И скользнуло в другую реальность.

Берилл сменил лёгкую рысь на стремительный бросок — взял след. Я освободила клинок из ножен. Мгновение — волк расправил крылья и выпрыгнул из сновидения через кротовую нору следом за химерой. С радостью бы кинулась за ним, но азарт пришлось придержать. Нужно осмотреться, якорь и чудовище «просто кушать рядом». Должно быть что-то ещё. Повеяло легкой горечью, и я пыталась определить направление, где эта новая нотка ощущалась плотнее.

Мысли прервались внезапно.

Между камнями показалась тонкая, почти невидимая паутинка. Она дрогнула от моего дыхания, когда я наклонилась к ней ближе.

Я двинулась прочь от расчищенного участка, уходила в

глубину каменного хаоса, и чем дальше, тем паутина становилась плотнее.

— Взяла след! — бросила, не оборачиваясь. И ломанулась через завалы.

Бег по пересечённой местности не особо располагает к ясным мыслям. Я остановилась, отдышаться и прилечь. Паутина густеет, значит направление верное. Запахи: влажный камень, песок, море, сухие и подгнившие водоросли. И наконец, новый яркий аромат — горький миндаль. Или цианид. Разницы нет. Иду через каменные развалы до тех пор, пока след не утягивает меня в кротовую нору, затем через черную бездну и в иную реальность.

Гниль и горечь на языке. Под ногами чавкает.

Болото.

Не люблю пачкаться в грязи, но бегло оглядевшись, поняла: паутины здесь куда больше. Она повсюду, просто туман её скрадывает. Разгадка близка. Что же ты собою представляешь, неизвестное прожорливое создание с горьким вкусом миндаля?

Любопытство застилает мне глаза, но тут же гаснет, смываемое отрезвляющим холодом. Тело чувствует взгляды. Оно реагирует раньше разума: дыхание становится короче, мышцы чуть подбираются, ноги сами находят более устойчивое положение.

Голодные, оценивающие взоры давят со всех сторон. Предчувствие острое, почти болезненное — сейчас. Вот пря-

мо сейчас что-то будет. Охотник и добыча поменялись местами.

Медленно разворачиваюсь, клинок готов, как остріё прицела, прислушиваюсь к малейшему шороху.левой рукой черчу в воздухе Эгис — руну защиты — по ладоням прокатывается холод, по спине прошла дрожь. Знак вспыхнул ярко-голубым, на миг разогнал туман, потом он сомкнулся снова, но купол из сотканного света остался висеть вокруг меня прозрачной оболочкой. Рука опустилась и мягко сжала рукоять Хагэ — ножа последней надежды.

И тут всё произошло разом.

С нескольких сторон из тумана ко мне потянулись конечности. Длинные, нежно-розовые, почти человеческие, с пятернями, с длинными грязными, почти птичьими когтями. Они выныривали из мглы беззвучно, плавно и неторопливо, будто не охотились, а просто тянулись к теплу.

Первая — слева. Я срубила её у запястья. Вторая — сверху, почти над головой, скрюченные пальцы воспламенились в пяди от моего лица. Третья, четвёртая — уже справа.

Они лезли из самого нутра тумана, который, казалось, был соткан из них. Щит держался: исправно поджигал когти, что умудрялись миновать мой жалящий клинок — вспышка, запах палёного, тихий судорожный рывок и неподвижность. Но на место срубленной и сожжённой из белёсой мглы тут же выползали новые конечности.

Я рубила каждой рукой. Снова. И снова. Локоть, запястье,

пальцы, всё, до чего дотягивались клинки. Моё сражение происходило практически в полной тишине. Только рубящий свист глефы. Хлюпанье отсечённых конечностей, падающих в мокрую жижу. Ровное, размеренное дыхание, как на тренировке.

И всё же я начинала уставать. Эгис бледнел, уже не поджигал так уверенно когтистые пальцы. Я выдыхалась. Это не может продолжаться вечно.

По моей мысленной команде щит задрожал, остатки его силы нужно использовать максимально эффективно. Он взорвался, высвобождая пространство вокруг меня.

Три секунды — время огня. Черчу руну Соулу, не выпуская рукоять ножа.

Жар волной прокатывается по венам, огонь заполняет меня до краёв и выплёскивается наружу белым пламенем. Направляю его, сжигаю всё, до чего дотягиваюсь: руки, туман, воздух между ними. Много, слишком много... Я теряю управление. Такое уже случалось, Соулу наполняет силой, передержать ее — все равно что закипеть изнутри. Пламя вырывается неконтролируемым потоком.

В этот момент ноги перестали ощущать опору под собой. Медленно и неотвратимо проваливаюсь в дыру, что разверзлась подо мной, как чёрная беззвучная пасть. Соулу все еще обжигает, но пространство схлопывается над головой, словно вода над утопленником.

Нельзя пропускать через себя бесконечный поток силы.

Тело — не более чем оболочка, если не остановиться, оно истлеет изнутри, растает как свеча, прогоревшая до самого конца.

Огонь уже не греет, а пожирает. Грудь стягивает, рёбра раскаляются, и где-то за грудиной начинает плавиться что-то, чему не положено.

Продолжая падать в небытие, мне удалось потушить свой пожар. Нужно убираться — разрезаю клинком реальность, одним привычным, почти механическим движением, и призываю кротовую нору.

Мгновение тишины. Щель перехода раскрывается с сухим треском, как разрываемая ткань. Я отдаю ей.

Но что-то идет не так.

Следующий миг — чёрная пустота отступает. Возвращается проклятый белесый туман.

Я болтаюсь в пустоте, подвешенная в сетях. Мои ноги обездвижены, руки склеены. Связаны крепко чем-то белым и липким. Паутиной.

Рывок — раз, другой — пытаюсь вырваться, перерубить вязкое волокно, но ничего не выходит.

Сначала проявились очертания длинных когтистых конечностей. Розовых, хрупких, до невозможности странных, даже немного смешных. Их много, изогнутых не в тех местах, где нужно, будто создатель в какой-то момент просто устал сверяться с чертежом и решил действовать по вдохновению. Или чертежа не было вовсе.

В самом центре бесчисленных лап — бесформенное, нежно-розовое тело, сотканное из лиц, безмолвно кричащих, искажённых болью и ужасом.

Не хочу быть обедом!

Я рванулась, что есть мочи и зарычала. Тварь не получит меня, не желаю, чтобы мое лицо оказалось среди этих несчастных. Освободить бы руку, чтобы начертить руну.

Чудовище приближается.

Время. Мне нужно больше времени.

Закрываю глаза и вижу перед собой огромную спираль, светящуюся синим, окружённую тысячами парящих пылинок, она медленно вращается по часовой стрелке, тянет за собой каждую искру. Погружаюсь — и мир вокруг становится вязким, тягучим. Спираль начинает замедляться, пылинки одна за другой застывают в воздухе. Прикасаюсь к ней изнутри, чуть-чуть, едва заметно разворачиваю её против хода, и запускаю заново. Время можно отмотать, если получится...

Чудовище отделилось, но лишь на пару секунд. Я ничего не успеваю. Тяну за голубую нить снова.

Пара секунд.

Этого мало. Нужно больше. Но сил совсем не осталось.

Огонь Соулу в этот раз сыграл дурную службу.

Я сопротивлялась и дёргалась. Разум кричал от беспомощности, вопил белым шумом внутри черепа. Смерть приближалась неотвратимо, носа коснулся ее гнилостный запах,

острый и сладкий одновременно, с горьковатой ноткой циа-нида, от которой першило в горле.

И тогда меня поглотила благодатная тьма, мокрая и с клыками.

Откуда-то сбоку пространство разверзлось огромной волчьей пастью. Она выгрызла меня из паучьих сетей одним точным, почти хирургическим движением. И унесла.

Берилл. Чувствую запах его шерсти.

Какое-то время я просто лежала с закрытыми глазами и пыталась осознать, что всё ещё существую. Не самое очевидное открытие после сегодняшнего вечера.

Свежий ветерок щекотал волосы. Почва под спиной была тёплой и такой притягательной, что вставать казалось совершенно неразумной затеей. Рядом что-то тёплое и шерстяное. Его ровное, глубокое дыхание успокаивает.

Я с трудом разлепила глаза. Погожий день, кажется, близится к вечеру. Два ослепительных солнечных диска в этом мире уже перебрались поближе к горизонту. Судя по всему, мы на поляне в каком-то лесу.

Берилл повернулся и облизал моё лицо огромным шершавым языком. Заботливо. Можно было бы расчувствоваться, если бы это было не так мокро.

— Спасибо, дружище, — язык еле шевелится.

Сейчас волк был не больше своей стандартной лётной формы, с крыльями и под седлом. Признаюсь, мне было

страшно представлять, какого размера он стал, чтобы вытащить меня из паутины. Видимо, охота этого шерстяного удалась на славу, в отличие от моей. Нажрался, вырос от переизбытка чувств и пришёл меня спасать. Приятно, что хоть у кого-то сегодня всё прошло по плану.

— Хозяйка неосторожна, — прорычал его голос у меня в голове. — Многоликий. Опасный.

Многоликий. Дрожь прокатилась по спине холодной волной. Я нехотя поднялась с такой притягательной земли, лежать на ней было настоящим блаженством, которого я, по всей видимости, не заслужила. Принять вертикальное положение оказалось куда сложнее, чем я подозревала: ноги не слушались. Я оперлась на мохнатый тёплый бок Берилла и выдохнула:

— Давай-ка ты меня прокатишь, милый. Сил совсем не осталось.

Только сейчас я заметила остатки вязкой паутины на своих руках, ногах и одежде.

О, нет. Так не пойдёт. Тащить её с собой нельзя. Прежде чем уйти, нужно уничтожить следы — мало ли, вдруг многоликий обидится, что мушка сбежала из паутины, и пустится в погоню? Я бы на его месте точно обиделась.

Необходим ритуал очищения. Позарез. Плохо, что тело и без того пережило сегодня слишком многое, но надо попытаться.

В основе ритуала тоже огонь, но другой, очищающий. Ру-

ну Кхен нужно направить на себя. Она выжигает наложенные заклинания, в том числе любые негативные магические воздействия. Причем, не разбирает: испепеляет и плохое, и хорошее, и одежду, кстати, тоже. Последнее обстоятельство всегда меня немного огорчало.

Помню, как впервые применила очищение на себе. Я тогда столкнулась с марой, мы долго плясали в танце — я пыталась достать ее клинком, она отбивалась длинными когтями. В итоге удалось пробить ее защиту и зарубить, но хтонь в долгу не осталась, уколола в бедро на прощание. Яд распространялся быстро, и без особых расшаркиваний Таркос велел воспламенится. Я горела факелом в неизвестном мире, ночью, при свете луны. Красивое, должно быть, было зрелище.

Одежду я кое-как с себя стянула, с ней разберусь отдельно, так, чтобы ткань не пострадала. Легла на землю, стоять уже не было сил. Начертила руну пальцем в воздухе перед собой и направила ее на себя.

Обжигающая теплота разлилась по жилам. Пламя облизывало кожу, растекалось по ней волнами и согревало изнутри. Через несколько минут всё закончилось.

Какое-то время я лежала опустошённая, как ракушка от морской мидии, которую выбросило волной на берег. Потом кое-как поднялась на колени и свернула одежду в узел. Мысленно усмехнулась, представив картину со стороны: расчёпанная голая магичка на четвереньках посреди поляны.

Впрочем, смеяться было некому. К тому же косматый Берилл с холодными жёлтыми глазами стоял на страже.

Я поискала глазами свое оружие, оба клинка оказались рядом, — обрадовалась им как старым приятелям. Не потеряла! Впрочем, в моём арсенале есть руна призыва Сиками и Хагэ, так что они бы никуда не делись, но всё равно приятно.

Преодолев кое-как тяжесть собственного тела, и со скрежетом приняв вертикальное положение, я вскарабкалась в седло, едва не свалившись на последнем усилии. Пожалуй, это было бы достойным завершением вечера. Провела руками по мягким магическим креплениям выше колен. Надёжно. Летим.

— Нам нужно туда, где есть живой источник воды, — сказала я. — В мир с текущими в небо колоннами.

Берилл не удостоил меня ответом, просто тронулся с места, сделал несколько длинных упругих прыжков и взмахнул крыльями, поднимаясь в воздух. Я прислонилась к его шее, зарылась пальцами в густую шерсть, покачивалась в ритме крыльев — вверх-вниз, вверх-вниз и незаметно для себя задремала. Чтобы перемещаться между мирами верхом, мне не нужно разрезать пространство клинком — волк прекрасно справляется сам.

Ворвавшись в иную реальность, новый мир приветствовал нас водным потоком. Буквально. Мы прошли через водяной купол насквозь, мокрые и взъерошенные. Вода была теплой, но от неожиданности я едва не захлебнулась. А затем

рассмеялась. Приземлившись, сползла на влажный песок, и рухнула в ближайшую лагуну.

Их здесь было множество — идеально круглых, словно выбитых в земле гигантским кулаком. Вода живая, целебная, невероятного пурпурного оттенка, густого, почти бархатного, закручивалась в плавные водовороты и устремлялась вверх. Неведомая сила вытягивала её в небо тонкими живыми колоннами. Там они таяли, расплёскивались о низкие тучи. В каждой лагуне температура воды была своя. В этой — почти горячая.

Я выбралась на берег, тщательно прополоскала одежду, кожаные ботинки, платок, удостоверилась, что нигде не осталось ни следа паутины — она растворилась в источнике. Разложила на ближайших камнях и рухнула рядом на песок. Берилл пристроился тут же.

Я чувствовала как он греет меня, щедро делится силой, которую впитал на охоте. Спасибо, друг. Сон навалился на меня теплым успокаивающим одеялом.

Глава 5. Сойки

« Не тревожься то, что спит в тебе. Особенно если оно уже не спит и, честно говоря, выглядит бодрее тебя». Из дневника Налирр.

Во сне я нежилась на пляже фантастического бирюзового озера. Здесь меня и нашла взволнованная Сонора.

— Ты жива? Мы уже не знали, что думать — ты исчезла с радаров, прошло уже больше двух часов!

— Всего лишь? — пробормотала я. — Хвала единорогам.

— Когда мы с Филом проснулись, тебя и след простыл. Мы поняли, что охота унесла тебя за черту. Ждали, что ты вернёшься. Фил даже полез обратно в сон страдальца, но там тебя не было. Потом я сообразила покопаться в твоей сумке, найти что-то подходящее для зацепа. Нашла резинку для волос. Ты уж извини. Что вообще произошло?

Сонора тараторила так быстро, что сосредоточиться становилось всё сложнее. Бирюзовая вода манила, хотелось уплыть куда-то в дальние дали и забыться. Просто поспать. Но нет — сначала дело.

— Берилл пошёл по следу за химерой и, судя по всему, успешно её настиг. Я шла по следу из паутины и попала в очень скверную переделку. Если бы не Берилл, меня бы уже сожрали. Сейчас валяюсь без сил.

— Значит, паутина... — пробормотала Сонора. — Ничего не понимаю. Я ничего не заметила...

— Сонора! — я чуть приподнялась. — Нужно вернуться в сон того человека, пока он ещё жив. И испепелить паутину.

Сонора выглядела такой растерянной, будто я только что попросила её слетать на луну за молоком.

— Нал, я не умею! Нас же этому не учат в Ордене.

— Так научись!

Я приподнялась на локтях.

— Послушай. Надо попытаться. Сейчас расскажу, что делать.

На песке рядом с собой я пальцем начертила символ.

— Эта руна — дверь, через которую ты пропускаешь стихию. Она зарождается у тебя внизу живота. Огонь Соулу — очень чувственная магия, разрушительная, яркая, мощная, и немного... интимная. Визуализируй искру внутри себя, и раздувай ее. Представь, как тебя наполняет жар, как по жилам растекается пламя. Наполни себя этой испепеляющей, радостной яростью. Жар исходит отсюда, — я приложила ладонь к животу. — Затем начерти этот символ пальцем прямо в воздухе перед собой. Это знак солнца. Он светится золотым. Он выжигает всё, до чего дотянется. Нужно взять под контроль поток и направлять его туда, куда нужно.

Сонора сконцентрировалась и начала чертить. С первого раза не вышло — это было бы слишком просто. Но во сне обучение всегда идёт легче, чем в любом из миров, потому

что пространство здесь мягче и податливее.

Через какое-то время в воздухе заискрилось.

— Получается, — выдохнула Сонора изумлённо, почти ошарашенно.

— Иди к Филу, зачисти сон жертвы, может тогда он выживет. Сейчас я не в состоянии встать.

— Мы постараемся, — сказала Сонора и исчезла.

А я поплыла дальше, по каким-то совершенно бессвязным снам-облакам: с летающими драконами, леденцами в виде клыкастых кроликов, каруселями и прочей умилительной белибердой. Листала их, как страницы фотоальбома, лениво выбирая, где бы остановиться. В какой-то момент взгляд зацепился за картинку с дилижансом, запряжённым полупрозрачным мерцающим зверем. Возле дилижанса стоял высокий мужчина с тёмно-серым платком, повязанным на манер наших моряков, но с длинными и широкими свободными концами. Он обернулся, обронил кому-то несколько слов, губы тронула улыбка. Глаза светлые, пронзительные, посмотрели прямо на меня...

Внезапно я проснулась. Сердце бешено колотилось, Берилл встрепенулся от моего резкого движения.

— Полетели домой, дружище. Хватит тут разлёживаться.

Я чувствовала себя немного лучше — не хорошо, но уже не так отчаянно плохо, как раньше. Надела всё ещё влажную одежду, с некоторым усилием вскарабкалась Бериллу на спину, и мы отправились на Мельхут.

Дома было хорошо. Спокойно. В соседней комнате умиротворяюще шуршало привидение. А может Арья, теперь уже не угадаешь.

По возвращении я выпила целое ведро кофе — без преувеличений, именно столько и требовалось. Потом набрала ванну, пошептала лёгкий заговор на восстановление сил и улеглась в горячую воду.

Блаженство.

Валялась там целую вечность, пока вода окончательно не остыла и не приморозила мое расслабленное тело. Тогда я неохотно выбралась, завернулась в полотенце и принялась осматривать куртку. Пара дырок, ничего критичного. Зашибу. Жить будет.

Многоликое чудовище осталось где-то за горизонтом моего утомлённого сознания, и думать о нём мне решительно не хотелось. Однако я откинула подальше все лишние мысли и зарылась в книги, свитки и формуляры. Таркос собрал неплохую запретную библиотеку и спрятал самое ценное в потайной нише шкафа.

Многоликий, многорукий... Как тебя убить?

В древнем потрепанном трактате о шести магических путях я искала упоминания подобных существ. Но нашла нечто другое:

О природе теней и о ремесле ткачей.

В нижних слоях хаоса пребывают сущности, именуемые тенями. Не имеют они ни тела, ни облика, ни предыстории; не названы, и потому не суть. Бытие их следует понимать условно: они не живут и не мертвы, но пребывают, подобно слову, которое ещё не было произнесено.

Колдуны, прозываемые ткачами, владеют искусством обращения с сей материей. Берут они зыбкое и неуловимое, и ткут из него вещь подлинную. Дают тени плоть, и кровь, и имя, и место под небом. Тем самым свершают они то, чего прежде во вселенной не было, — и да зовётся сие осуществлением.

Может ли быть многоликость не просто физиологической особенностью твари? Уже не тень, но еще не плоть. Именно поэтому его так сложно убить. Существо из хаоса, которое так и не завершило себя. Зыбкая материя, не успевшая или не пожелавшая принять окончательную форму.

Значит ли это, что овеществив тварь окончательно, ее можно будет прикончить?

Мой взгляд упал на горстку песка на постели и возле кровати. Песок из сна мага-ткача.

Без колебаний я оделась, вооружилась, насыпала на ладонь щепотку песка и улеглась на кровать. Предпринимать что-либо конкретное я не собиралась. Нельзя терять осторожность — ткач все-таки сильный маг, на глаза которому лучше не попадаться. И все же, стоило присмотреться к нему

поближе. Возможно, это поможет мне отыскать ответ.

Песок провёл меня через лабиринт Перекрёстка и вывел прямоком на тот самый пляж, с которого я так бесславно уносила ноги. На этот раз я сразу же прикинулась маленькой песчинкой и понеслась вместе с ветром, оглядывая чудесные просторы этого сновидения.

Через какое-то время пейзаж стал зыбким, начал меняться, детали стали расплываться и ускользать от взгляда — это было закономерно. Я погружалась глубже в человеческое сознание, до тех пор, пока сон не вывернулся наизнанку и не предложил мне новую реальность.

Я смотрела глазами ткача. Думала его мыслями — самую малость, на самой поверхности. Глубоко забираться в чужую голову нельзя: можно случайно навредить или стать слишком заметной. Перед тем, как загадать колдуну загадку, я проникаю в сознание самую чуточку, считываю поверхностные образы, запоминаю окружение, а затем строю из этого достоверную ловушку. Чем больше знакомых деталей, тем охотнее маг погружается в задачу. Но сейчас это было ни к чему, я не собиралась провоцировать ткача применять боевую магию. Сначала нужно его изучить.

Колдуна звали Солдан. Он сидел в мягком кресле, положив руки на широкий стол из тёмного дерева. Напротив него располагался сэр Тавви в тёмно-синих одеждах, вышитых серебром, с утончёнными чертами лица и аристократической выправкой. Длинная чёрная коса, заплетённая рыбьим

хвостом, лежала на груди.

Рядом с Солданом устроилась леди Тирен: красивая девушка в элегантном чёрном платье со строгим вырезом, тёмные волосы уложены в высокую причёску, увенчанную сверкающей диадемой. По другую сторону стола, подле Тавви, сидел почтенный пожилой господин с трубкой во рту — сэр Нилари, человек солидный и представительный, в бордовом плаще.

Головы мужчин покрыты тканью под цвет одежде. Это — фийяр, всплыло из сознания Солдана. Длинная полоса материала, намотанная и завязанная особым образом, так что свободные концы мягко спускаются на спину. По длине и цвету фийяра можно судить о статусе и положении мужчины в обществе.

Я не стала углубляться в культурный уклад. У Солдана, человека этого мира, знаний хватало с избытком, и тонуть в них не было смысла. Меня сейчас занимало другое. От всех присутствующих исходила яркая, плотная магическая сила — здесь собрались весьма серьёзные колдуны. Поэтому я свернулась клубочком и притаилась, попутно выхватывая детали обстановки: большое окно-эркер с широким подоконником, несколько кресел, светлые стены, огромный резной шкаф во всю стену. Кресло во главе стола пустовало.

Алая вязь. Что-то вроде стражей порядка и закона. Все присутствующие входили в Алое Око — высший совет, само сердце этой структуры. Отсюда расходятся нити управления

боевыми магами и блюстителями закона. Судя по настроению в кабинете, здесь проходило совещание.

Солдан был действительно умелым колдуном, но в голове у него при этом творилась живописная чехарда. Он был поглощён изучением какого-то нового заклинания и одновременно украдкой поглядывал на прекрасную леди Тирен. Многозадачность во всей красе.

Тирен как раз говорила, голос у неё был красивый, бархатный, под стать внешности:

— Шесть жертв. Ни на что особенно не жаловались. Знахари Тихой вязи разводят руками.

В этот момент в помещение кто-то вошёл. Волна магии прокатилась по залу. Она была плотной и тяжёлой, как воздух перед грозой. Что-то неуловимо изменилось в атмосфере — участники собрания словно бы чуть подобрались. Напряглись. Боятся? Или показалось.

Его звали Рудгар. Тот самый колдун в темно-серых одеждах, который чуть не почуял меня в прошлый раз.

И он учитель Солдана, начальник Алой вязи.

Рудгар опустился в кресло во главе стола. Светло-серые глаза неторопливо обошли присутствующих. Леди Тирен начала докладывать. Он слушал ее с уважительным вниманием, отвечал дружелюбно. Я едва улавливала слова, только ровный негромкий голос. Однако, несмотря на его миролюбие, в самой его позе чувствовалась привычка руководить и принимать жёсткие решения.

— Банту. Местное население усилило охрану, но проблеме заметили слишком поздно. Критический предел достигнут. Теперь, с каждым новым инцидентом мощностъ преграды будет истончаться. Затмение близится. Если защита спадет, нам придется выделить защитных магов и гарнизон...

Я внутренне подобралась. По-хорошему, пора уносить ноги. Но я... не могла оторвать взгляд от сероглазого колдуна. Аматы меня дери! Какое-то неприличное любопытство. Жгучее, неудобное такое. Рудгар раскурил трубку, и тонкая струйка дыма потянулась вверх.

Солдан что-то спросил. Шеф посмотрел ему в глаза — и вдруг прищурился.

— Ты в порядке?

Я выскочила из чужого сознания так стремительно, что пробка из бутылки вельнского горячительного могла бы мне позавидовать.

Минут десять я лежала на кровати, прислушиваясь к собственному сердцу. Алло, тревога, ты на связи? Что передаёте? Сердце трепыхалось беспорядочно, но без острых нот — обычная физиологическая паника после близкого контакта с тем, с чем контактировать не следовало. Предчувствий не было. Значит, снова обошлось.

Идиотка. Что с моей головой? Колдун, от которого разумному человеку положено держаться на расстоянии пушечного выстрела заворожил меня, как огонь мотылька. Хуже то-

го: я отдавала себе в этом отчёт в реальном времени и всё равно продолжала пялиться.

Сила у него была странная. Жёсткая, хищная, темная и при этом было в ней что-то красивое, как в хорошо заточенном клинке. Магия пахла грозой и хвоей.

Любопытно, что ребята из Алой вязи расследуют необычные смерти. И какое-то «банту». Но проблемы чужих миров меня не касаются, пока они сами не стучат в мою дверь.

Сейчас моя проблема — многоликий.

Подглядывать за ткачом со стороны занятие и правда увлекательное. Но, оказалось, бесперспективное: так я ответов не найду. Вариантов, по сути, два. Либо проникнуть глубже и пошарить у него в мозгах. Либо попробовать наладить контакт. Что почти так же рискованно, но хотя бы укладывается в рамки приличий. Заходить далеко в сознание нельзя. Есть вещи, которые отличают меня от тех, за кем я охочусь, и эта одна из них.

Я отправилась за эфирником, чтобы узнать у Соноры про сновидца, однако вспомнила, что он в сумке. А сумка в Вербнице.

Ладно. Значит нужно раздобыть еды, передохнуть, а потом через кротовую нору в Подвербье.

План казался хорошим до тех пор, пока я не вышла за двор.

Сперва я почувствовала на себе чужой взгляд. А потом увидела источник.

По дороге в мою сторону неторопливо поднимался человек. Пару секунд я перебирала в памяти лица, пытаюсь сообразить, откуда он мне знаком. Потом сообразила. Ну, разумеется. Ирбис.

Острое, почти физическое раздражение прокатилось от макушки к ключицам. Я про него забыла. Не просто забыла — выкинула из головы сознательно и с некоторым облегчением, сразу после той встречи в кафе. Потому что его просьба находилась за гранью того, о чём можно просить вообще: лишить ребёнка дара, выжечь нить. Я бы не стала делать этого, даже если бы умела. Он обещал зайти ещё.

И вот — зашёл.

— Добрый вечер, — мужчина учтиво поздоровался. — Я хотел осведомиться о твоих намерениях. Ты подумала?

— Нет.

— Девочка, ты помнишь, о чём мы говорили в прошлую встречу? — Голос его звучал ровно и спокойно, но я ощущала исходящую от него угрозу.

— Я помню, — вздохнула я. — Ты хочешь, чтобы я выжгла нить твоему внуку. Ответ не изменился. Я не умею. И не буду.

Ирбис проигнорировал мой переход на «ты» и только усмехнулся.

— Первое — сомнительно, — проговорил он негромко.

— Второе — поправимо.

— Нет.

— Какая ты сердитая. — он качнул головой и оглядел меня с ног до головы. — Ну что ж. Как скажешь. — произнёс это так, будто бы другого ответа и не ждал.

Я прошла мимо и свернула за поворот на узкую тропинку. Эта история нравилась мне всё меньше. Что-то в Ирбисе рождало во мне тревогу, хотя ничего явно угрожающего в нём не было. Он не колдун. Просто наглый человек, уверенный в своей правоте, себе на уме.

Надо держать ухо востро. — угрюмо подумала я. ...не знаю, что насчет уха, но сердце не подвело. Стукнуло так, словно подавало сигнал. Сейчас что-то будет. И это что-то начинается на букву «Ж».

Я обернулась. Тёмная улица, ничего особенного. Но ноги сами ускорили шаг.

А на третьем повороте я заметила троих мужчин. Может, случайные прохожие. Может, нет. Но разница между «может» и «точно» иногда стоит слишком дорого, чтобы рисковать. Свернула в соседний проулок и помчалась бешеным зайцем, словно гончийи шли по пятам.

Выйти обратно к холму. К дому. Уйти через кротовую нору.

Внезапно из темноты на меня выскочили еще двое. Тело сработало моментально — я отпрыгнула в сторону, на лету выхватывая Хагэ. Меч даже не стоило пытаться достать из-за спины, не успею. И тут произошло неожиданное. Боец справа выхватил лучемет и направил ствол прямо на

меня. Я замерла.

— Цыц, малышка. Остынь.

Лазерное оружие в руках у... кого? Бандита или солдата? До сих пор не задумывалась, велика ли между ними разница.

Тем временем позади меня послышались шаги.

— Медленно, без глупостей, положи свои клинки на землю, — скомандовал, чуть запыхавшись, Ирбис.

Против энергострела и думать нечего сражаться клинками. Опускаю кукри себе под ноги. Следом скрепя седце идет Сиками.

— Умница. — Ирбис ногой откинул оружие, удовлетворенно цокнув языком. Боец с лучеметом продолжал держать меня на прицеле. — Мне не хотелось бы лишать Подвербье ищейки, вас и так мало. Жаль, конечно, что ты принадлежишь ласкам, а не нам. Но договор мы держим. Будешь себя хорошо вести, отпустим. После того, как выполнишь мою просьбу, конечно.

С этими словами на голову мою надели мешок, руки скрутили за спину — я и пискнуть не успела. Что-то обжигающе холодное сомкнулось на правом запястье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.